

ЛУИЗА МЭЙ
ОЛКОТТ

***Взрослая
жизнь***

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Луиза Мэй Олкотт

Взрослая жизнь

«Азбука-Аттикус»

1886

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Олкотт Л.

Взрослая жизнь / Л. Олкотт — «Азбука-Аттикус»,
1886 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-18718-4

После оглушительного успеха «Маленьких женщин» Олкотт не могла не продолжить свой рассказ о семействе Марч, распутывая судьбы любимых героев, подобно клубку разноцветных нитей. Так, вскоре на свет появились «Юные жены», а за ними – «Маленькие мужчины». Наконец, в 1886 году Олкотт закончила последний роман тетралогии, в котором бывшие «маленькие мужчины», воспитанники пансионата в Пламфилде, который открыла вместе со своим мужем миссис Джо Марч, становятся студентами, влюбляются, попадают в неприятности и, преодолев множество опасных приключений, трудностей и соблазнов, выходят в свободное плавание по великому океану взрослой жизни. В настоящем издании представлен новый перевод романа, отражающий все особенности и своеобразие оригинального текста.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-18718-4

© Олкотт Л., 1886
© Азбука-Аттикус, 1886

Содержание

Глава первая. Десять лет спустя	6
Глава вторая. Парнас	15
Глава третья. Очередная передряга Джо	25
Глава четвертая. Дан	36
Глава пятая. Каникулы	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Луиза Мэй Олкотт

Взрослая жизнь

© А. В. Глебовская, перевод, примечания, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020 Издательство АЗБУКА®

Глава первая. Десять лет спустя

– Скажи мне кто, каким изумительным образом все здесь изменится за десять лет, я бы не поверила, – обратилась миссис Джозефина Баэр к миссис Маргарет Брук. В разгар летнего дня они сидели на веранде в Пламфилде и смотрели вокруг, лучась от гордости и удовольствия.

– Вот на какое волшебство способны деньги и добрые сердца. Уверена, этот колледж, построенный по завещанию мистера Лоренса, – лучший памятник его благородству и великодушию; а пока стоит этот дом, память о тетушке Марч не поблекнет, – ответила миссис Брук, никогда не упускавшая случая воздать хвалу ушедшим.

– Помнишь, мы когда-то верили в добрых фей и рассуждали, какие три желания загадаем? Тебе не кажется, что мое наконец-то исполнилось? Деньги, слава – и любимой работы хоть отбавляй, – произнесла миссис Баэр и сцепила руки над головой, как в далеком детстве, взъерошив по ходу дела волосы.

– Мое тоже исполнилось, а Эми продолжает радоваться своему. Если бы любимые наши мумуля, Джон и Бет остались с нами, больше и вовсе было бы нечего желать, – добавила Маргарет, и ее нежный голосок дрогнул, ибо мумулино место успело опустеть.

Джо накрыла руку сестры своей, и некоторое время обе молчали, со смесью печали и радости глядя на открывавшуюся им прелестную сцену.

Все тут действительно преобразилось, точно по волшебству: тихий Пламфилд превратился в полный жизни уютный мирок. Дом выглядел даже гостеприимнее прежнего – его заново покрасили и пристроили новые флигели; ухоженная лужайка и сад дополняли общий вид достатка – все разительно изменилось с тех времен, когда повсюду кишели мальчишки-непоседы, а Баэры с трудом сводили концы с концами. На холме, где когда-то пускали воздушных змеев, высилось стройное здание колледжа, возведенное благодаря щедрому завещанию мистера Лоренса. По дорожкам, где в былые дни топотали детские ножки, теперь с серьезным видом расхаживали студенты, и множество юных женщин и мужчин наслаждались всеми теми привилегиями, которые способны даровать богатство, мудрость и благожелательность.

У самых ворот Пламфилда приютился среди деревьев симпатичный домик, выкрашенный в коричневый цвет, – он очень походил на «Давкот»¹, а к западу, на вершине зеленого холма, сияло под солнцем поместье Лори, окруженное белыми колоннами; дело в том, что, когда стремительно растущий город надвинулся на старый дом Лоренсов, испортил гнездышко Мег и вознамерился возвести мыльную фабрику под самым носом у негодующего мистера Лоренса, друзья наши перебрались в Пламфилд – и настала пора больших перемен.

Перемены были к лучшему, и уход близких людей смягчался теми великодушными дарами, которые они после себя оставляли; в общем, теперь маленькое сообщество процветало, мистер Баэр стал президентом, а мистер Марч – духовником колледжа: их давняя мечта полностью осуществилась. Сестры совместно заботились о молодых людях, каждая занималась тем, что было ближе ее натуре. Мег выполняла при молодых девушках роль доброй старшей подруги, Джо была confidentом и защитницей молодых людей, а Эми – леди Изобилие: она, не афишируя этого, облегчала жизнь нуждающимся студентам и относилась к ним с такой сердечностью, что они нарекли ее милый дом горою Парнас – ведь там всегда звучала музыка и властвовали красота и культура, которые так необходимы голодным юным сердцам и душам.

Разумеется, первые двенадцать учеников школы давно уже разлетелись по городам и весям, но те из них, кто остался в этом мире, не забывали свой старый Пламфилд и время от

¹ «Давкот» (англ. голубиный домик, голубятня) – так назывался домик, в котором, как рассказано в романе «Юные жены», начинали свою семейную жизнь Джон и Маргарет (Мег) Брук. – *Примеч. ред.*

времени являлись туда из самых разных уголков земли, чтобы поделиться рассказами о своей жизни, посмеяться над прежними радостями и с новой отвагой устремиться к новым достижениям; такие возвращения в родное гнездо наполняют сердца нежностью, а руки – силой, воскрешая в памяти счастливые юные дни. Расскажем в нескольких словах историю каждого из мальчиков, а потом откроем новую главу их жизни.

Франц жил в Гамбурге, у родственника-коммерсанта; ему уже исполнилось двадцать шесть лет, и он весьма преуспел. Эмиль сделался самым жизнерадостным из всех мореходов, что когда-либо бороздили просторы океана. Дядя отправил его в долгое плавание, пытаясь отвлечь от любви к приключениям, однако Эмиль вернулся домой в таком восторге, что стало совершенно ясно, в чем состоит его призвание. Родственник-немец устроил его на одно из своих судов, так что Эмиль был бесконечно счастлив. Дан так и остался бродягой – после геологической экспедиции в Южную Америку он занялся разведением овец в Австралии, а теперь трудился на шахтах в Калифорнии. Нат стал студентом консерватории и готовился к заключительному этапу учебы – двум годам в Германии. Том изучал медицину и пытался ее полюбить. Джек помогал отцу вести дела и, похоже, постепенно богател. Долли учился в колледже вместе с Тюфяком и Недом – они собирались стать юристами. Бедняжка Дик скончался, как и Билли; никто об этом особо не скорбел – они всё равно никогда не узнали бы счастья из-за душевных и телесных хворей.

Роба и Тедди звали «лев и Агнец»: Тедди был свиреп, словно царь зверей, а Роб смирен, точно овечка. Миссис Джо называла его «своей доченькой», из всех детей он трепетнее всего чтит сыновний долг, а под сдержанной повадкой и ласковой натурой скрывались запасы мужества. В Тедди же она распознавала все недостатки, причуды, упования и радости собственной юности, но в иной форме. Рыжеватые кудри, вечно растрепанные, длинные руки и ноги, громкий голос и отменная непоседливость – Тед был в Пламфилде значимой фигурой. У него случались приступы уныния, и примерно раз в неделю он погружался в Трясину Отчаяния², откуда его вытягивали терпеливый Роб или матушка – она прекрасно разбиралась, когда его нужно оставить в покое, а когда – как следует встряхнуть. Он оказался ее радостью и гордостью и одновременно – ее мукой: был он исключительно умен для своего возраста и полон, в зачатках, всевозможных талантов: она постоянно ломала свою материнскую голову над тем, какое же прищипу суждено ее исключительному сыну.

Дем с отличием окончил колледж, и миссис Мег попыталась наставить его на путь священства – в материнских мечтах она уже видела, как почтенный молодой священник произнесет свою первую проповедь, какая длинная, плодотворная и достойная жизнь его ждет. Однако Джон – теперь она называла его так – решительно отказался поступать в семинарию, объявив, что довольно ему сидеть над книгами, нужно узнать жизнь – и, сильно огорчив свою милую маменьку, решил попробовать себя на поприще журналистики. Это стало для Мег ударом, однако она понимала, что юный ум не переломишь и опыт – лучший учитель, а потому позволила сыну следовать зову сердца, все еще надеясь когда-нибудь увидеть его за кафедрой. Тетя Джо рассвирепела, узнав, что в семье у них завелся репортер, и тут же обозвала его Дженкинсом³. Ей нравился его стиль, но у нее были свои причины недолюбливать официальных Полов При⁴ – почему именно, мы узнаем позже. Дем, однако, действовал по собственному разумению и методично придерживался своего жизненного плана, невзирая на воркотню взволнованной родни и шуточки приятелей. Дядя Лоренс поддерживал его, предвещая блистательную

² Отсылка к роману Джона Буньяна «Путешествие пилигрима», на котором, по сути, построена вся композиция романа Л. М. Олкотт «Маленькие женщины». – *Здесь и далее примеч. перев, кроме указанных особо.*

³ *Дженкинс* – обидное прозвище журналистов, впервые появившееся в журнале «Панч».

⁴ *Пол При* – персонаж фарса английского драматурга Джона Пула (1786–1872) «Пол При», пронира, который вечно сует нос в чужие дела.

карьеру, и упоминал имена Диккенса и других знаменитостей, которые начинали репортерами, а потом стали знаменитыми писателями или журналистами.

Девочки процветали. Дейзи, такая же милая и домовитая, как и раньше, стала спутницей и отрадой матери. Джози, четырнадцатилетняя, выросла большой оригиналкой, причудницей и озорницей – последней ее причудой стала страсть к сцене, что не столько забавляло, сколько тревожило ее тихую матушку и сестру. Бесс превратилась в стройную красавицу, выглядела на несколько лет старше своего возраста, но сохранила грацию и утонченность маленькой принцессы, сполна унаследовав достоинства и отца, и матери, взлелеянные дарами любви и богатства. Но главной их гордостью стала непоседа Нан: как и многие подвижные и своевольные дети, она выросла в энергичную и многообещающую девушку – такие таланты внезапно расцветают, когда целеустремленный искатель находит для них подходящее дело. В шестнадцать Нан начала изучать медицину и в двадцать отважно продолжала идти по тому же пути, ибо теперь, благодаря усилиям других умных женщин, для нее были открыты двери колледжей и больниц. Она ни разу не отступила от своей цели с того далекого дня, когда, еще в детстве, к изумлению Дейзи, произнесла на старой иве: «У меня будет кабинет, а в нем – пузырьки, ящики и лекарства, я буду ездить в экипаже и лечить больных». Будущее, предсказанное маленькой девочкой, стремительно наступало для молодой женщины и приносило ей столько счастья, что ничто не могло отвлечь ее от любимой работы. Несколько достойных молодых джентльменов попытались склонить ее к тому, чтобы изменить свои планы и выбрать, вслед за Дейзи, «хозяйство и уютный дом», но Нан только смеялась и отпугивала поклонников, предлагая осмотреть тот самый язык, который произносит слова обожания, или профессионально пощупать пульс в мужественной руке, предлагавшейся ей вместе с сердцем. В результате отпали все, кроме одного юноши, столь преданного Трэддлса⁵, что его было не отвадить.

Речь идет о Томе, который хранил ту же верность своей первой любви, что и она – своим «пузырькам», и его неизменная верность сильно ее трогала. Только ради Нан он решил изучать медицину, которая ему совсем не нравилась – его куда сильнее тянуло в коммерцию. Но Нан была упорна, и Том изо всех сил пытался от нее не отставать, надеясь, что, став практикующим врачом, не загубит слишком много жизней. При всем при том они крепко дружили и постоянно забавляли всех знакомых перипетиями своего прихотливого романа.

В тот день, когда миссис Мег и миссис Джо беседовали на веранде, оба направлялись в Пламфилд. Оба, но не вместе: Нан размашисто шагала по живописной дороге одна, обдумывая заинтересовавший ее медицинский случай, а Том поспешал следом с целью нагнать ее будто бы случайно уже за пределами городских окраин – привычная его уловка, их общая шутка.

Нан стала хороша собой: свежий цвет лица, ясные глаза, улыбочивость, сосредоточенный вид, который всегда бывает у целеустремленных молодых женщин. Одета она была просто и практично, шагала легко и буквально излучала энергию – широкие плечи развернуты, руки свободно опущены, гибкость юности и здоровья в каждом движении. Те немногие, кто встретился ей на пути, смотрели ей вслед – приятно наслаждаться видом крепкой, жизнерадостной девушки, шагающей за город в погожий денек; за ней поспешал раскрасневшийся молодой человек – шляпа в руке, тугие кудряшки подпрыгивают от нетерпения – он им тоже нравился.

И вот ветер подхватил негромкое: «Привет!» Нан попыталась – вполне безуспешно – изобразить изумление и воспитанно произнесла:

– Никак это ты, Том?

– Да вроде бы. Вот, подумал, ты сегодня пойдешь прогуляться.

Жизнерадостное лицо Тома просияло от удовольствия.

⁵ Томми Трэддлс – персонаж романа Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфилд» (1850), близкий друг Дэвида; возлюбленная Томми, Софи Крулер, долго не может стать его женой, но он хранит ей верность, и все завершается счастливым браком.

– Да ты все знал. Как там твое горло? – поинтересовалась профессиональным тоном Нан – такой тон помогал сдерживать буйные чувства.

– Горло? Ах, ох! Вспомнил. Все хорошо. Твое лекарство отлично действовало. Я больше не буду называть гомеопатию шарлатанством.

– Сам ты шарлатан, как и все те немедицинские средства, которые я тебе выдала. Если бы с помощью сахара или молока можно было столь же успешно лечить дифтерию, я бы обязательно взяла это на заметку. Ах, Том, Том, когда же ты прекратишь дурачиться?

– Ах, Нан, Нан, когда же ты прекратишь мною командовать?

И счастливая парочка дружно расхохоталась, совсем как в старые времена, память о которых накрывала их всякий раз, когда они отправлялись в Пламфилд.

– Ну я же знал: не видать мне тебя целую неделю, если я не придумаю повода зайти к тебе в кабинет. Ты все время так занята, что мне уже и не втиснуться, – объяснил Том.

– Так и ты должен был бы заниматься делом, а не такими глупостями. Право же, Том, если так наплевательски относиться к занятиям, то ничего не добьешься, – рассудительно произнесла Нан.

– Довольно с меня занятий, – с явственным отвращением отвечал Том. – Можно позволить себе развлечения после того, как целый день анатомируешь трупы. Лично меня надолго не хватает, хотя некоторым, похоже, это занятие по душе.

– Так почему не бросить медицину ради того, что тебе лучше подходит? Я всегда считала, что ты делаешь глупость, – заявила Нан с некоторой обеспокоенностью, а ее острый взор тем временем выискивал признаки недуга на лице румяном, точно крепкое зимнее яблоко.

– Ты прекрасно знаешь, почему я выбрал эту профессию, и я не отступлюсь, даже если она меня погубит. Кстати, хотя я и выгляжу отменно здоровым, у меня скрытый порок сердца, который рано или поздно меня доконает; беда в том, что исцелить от него способен только один врач, но она почему-то отказывается.

В тоне Тома звучала задумчивая покорность, одновременно и комичная и жалобная; дело в том, что для него все это было всерьез, и он постоянно рассыпал подобные намеки – без всякого результата.

Нан нахмурилась; впрочем, она к намекам Тома привыкла и знала, как с ним обращаться.

– Она лечит единственным и самым действенным способом; вот только у этого пациента сплошные рецидивы. Ты сходил на бал, куда я тебя отправила?

– Сходил.

– И преданно ухаживал за хорошенькой мисс Уэст?

– Протанцевал с ней весь вечер.

– И как, действовало это на самый твой чувствительный орган?

– Ни капельки. Один раз я фыркнул ей прямо в лицо, потом забыл предложить закуски и выдохнул от облегчения, когда передал ее обратно маменьке.

– Повторять прием того же лекарства как можно чаще, следить за симптоматикой. Убеждена, что рано или поздно наступит привыкание.

– Никогда! Похоже, мой организм отвергает это снадобье.

– Поглядим! Приказано – выполнять! – Суровым голосом.

– Слушаюсь, доктор. – Смиренно.

Повисло молчание, а потом яблоко раздора сгинуло под наплывом приятных воспоминаний, вызванных знакомой обстановкой. Нан внезапно произнесла:

– Как нам когда-то бывало весело в этом лесу! Помнишь, как ты свалился с высокого орешника и едва не сломал ключицу?

– Как же не помнить! А как ты засунула меня в полынь, пока я не стал красно-коричневым, – тетя Джо долго причитала над моей испорченной курткой, – рассмеялся Том, вновь на миг став мальчишкой.

– А как ты поджег дом?

– А как ты сбежала, чтобы забрать свой ящик?

– А ты по-прежнему говоришь «разгрызи меня крот»?

– А тебя по-прежнему называют Проказницей?

– Дейзи называет. Милочка моя, я ее целую неделю не видела.

– Зато я сегодня видел Деми, он сказал, что она помогает матушке Баэр по дому.

– Как и всегда, когда у тети Джо хлопот целый водоворот. Дейзи – образцовая хозяйка, так что я бы посоветовала тебе поуваживать за ней, если у тебя все равно не получается заняться делом, и дожидаться, пока ты вырастешь, – а уж там разводить романтические сопли.

– Нат мне размозжит голову своей скрипкой, если я только попробую. Нет уж, слуга покорный. На моем сердце запечатлено другое имя – причем навеки, как и синий якорь на руке. Мой девиз – «Надежда», а твой – «Не сдамся». Поглядим, кто дольше продержится.

– Вы, глупые мальчишки, все пытаетесь разбиться на парочки, как мы это делали в детстве; так вот, не выйдет. Как замечательно выглядит отсюда Парнас! – воскликнула Нан, вновь резко сменив тему разговора.

– Отличное здание, но старый Плам мне нравился больше. Тетушка Марч руками бы всплеснула, увидев все эти перемены! – заявил Том: они остановились у массивных ворот, чтобы оглядеть простиравшийся впереди прелестный пейзаж.

А потом они вздрогнули от громкого вопля: долговязый мальчишка с нечесаными рыжими волосами перескочил, точно кенгуру, через изгородь; за ним прыгнула худощавая девочка, она застряла в боярышнике и там и осталась, хохоча ведьминским хохотом. Она была симпатичной барышней с кудрявыми темными волосами, яркими глазами и очень выразительным лицом. Шляпу она откинула на спину, а юбки откровенно повествовали о ручьях, которые она перешла вброд, о деревьях, на которые вскарабкалась, и об этом последнем прыжке, добавившем несколько новых дыр к старым.

– Нан, помоги мне слезть, пожалуйста. Том, хватай Теда; у него моя книжка, мне ее нужно отобрать, – попросила Джози, которую нимало не смутило появление друзей.

Том тут же схватил похитителя за воротник, а Нан извлекла Джози из колючего куста и без единого слова упрека поставила на ноги – она в детстве и сама была сорванцом и потворствовала подобным наклонностям.

– Что там случилось, душенька? – осведомилась она, закалывая булавкой самую большую дырку.

Джози тем временем разглядывала свои исцарапанные ладони.

– Я учила на иве свою роль, тут подкрался Тед и удилищем выбил книгу у меня из рук. Книга упала в ручей, а я и вскочить не успела, как он умчался прочь. Негодник, немедленно отдай, а то я тебе уши надеру, – пригрозила Джози, сердясь и смеясь одновременно.

Вырвавшись от Тома, Тед встал в напыщенную позу и, бросая нежные взгляды на измокшее существо в разодранных юбках, произнес знаменитую речь Клода Мельнота⁶ в столь патетическом тоне, что все покатались от хохота; закончил он словами: «Нравится тебе картина, любовь моя?» – после чего очень комично завязал свои длинные ноги в узел и скорчил устрашающую гримасу.

Аплодисменты, долетевшие с веранды, положили конец его дурачествам, после чего молодые люди зашагали по аллее вполне в духе прежних времен – когда Том правил четверкой, а Нан была лучшей лошадкой в упряжке. Раскрасневшиеся, запыхавшиеся, веселые, они поприветствовали дам и присели на ступени отдохнуть – миссис Мег залатала дырки на юбке

⁶ Клод Мельнот – персонаж пьесы «Дама из Лиона, или Любовь и гордость» (1838) английского писателя Эдварда Бульвер-Литтона; его знаменитый монолог – это признание в страстной любви к девушке Полине.

своей дочери, а миссис Джо пригласила гриву Льва и отобрала у него книгу. Подошла Дейзи – поздороваться с подругой, после чего беседа сделалась общей.

– К чаю у нас булочки; советую остаться и попробовать. Дейзи они всегда удаются, – гостеприимно предложил Тед.

– Уж он знает, о чем говорит; в прошлый раз съел девять штук. Вот почему он такой толстый, – добавила Джози, бросив косой взгляд на двоюродного брата, тощего, как щепка.

– Мне нужно пойти посмотреть Люси Доув. У нее был панариций, наверное, пора вскрывать. Выпью чаю в колледже, – решила Нан, ощупывая карман, чтобы убедиться, что не забыла захватить инструменты.

– Спасибо, и я туда же. У Тома Мерриуэзера хронический блефарит, я обещал сделать ему компресс. Он эконоит на враче, а я попрактикуюсь. А то у меня пальцы неловкие, – заявил Том, который старался по мере сил не удаляться от своего идола.

– Цыц! Дейзи не любит, когда вы говорите всякие ужасы про свою работу. Лучше про булочки. – И Тед расплылся в любезной улыбке, надеясь на будущий фавор у искусной кули-нарки.

– Есть какие новости от Командора? – поинтересовался Том.

– Направляется домой, и Дан тоже рассчитывает вскоре приехать. Как мне хочется собрать всех моих мальчиков! Вот я и попросила бродяг вернуться в родные стены на День благодарения, а то и пораньше, – произнесла миссис Джо, и лицо ее просияло.

– Явятся, все до единого, если смогут. Даже Джек рискнет недополучить пару долларов ради того, чтобы слопать тут очередной роскошный обед, – рассмеялся Том.

– Вон индюк, мы его откармливаем к празднику. Я за ним больше не бегаю, зато на корм не скуплюсь. А он все тучнеет и тучнеет, благослови Бог его сочные ножки! – произнес Тед, указывая на несчастного индюка, который гордо вышагивал по ближнему полю.

– Если Нат в конце месяца уедет, нужно будет устроить ему праздник на прощание. Спорим, наш милый музыкант вернется домой вторым Уле Буллем⁷, – обратилась Нан к подруге.

Дейзи дивно зарумянилась, муслиновые складки на ее груди приподнялись и опали в быстром вздохе. Потом она кротко заметила:

– Дядя Лори говорит, что он очень талантлив, а выучившись, он поедет за границу и сможет там хорошо зарабатывать, хотя, возможно, никогда не прославится.

– Молодые люди редко оправдывают наши надежды, так что нет никакого смысла ничего загадывать заранее, – вздохнула миссис Мег. – Довольно с нас и того, что из детей получились полезные члены общества; но как нам хочется, чтобы их ждал оглушительный успех!

– Да, они сильно напоминают обитателей моего птичника, – заметил Тед. – Вот этот симпатичный петушок – первый глупец во всем курятнике, зато неуклюжий долговязый петух – король двора, потому что на диво смекалист; кукарекает так, что разбудит и Семерых Спящих⁸, а вот красавчик только хрипит и при этом отменный трус: меня иногда оскорбляют, но погодите, я вырасту – там посмотрим.

Тед стал так похож на своего долговязого питомца, что все дружно рассмеялись над его скромностью.

– Мне хочется, чтобы Дан где-нибудь обосновался. А то он у нас такое перекаати-поле – двадцать пять лет, а все мотается по свету, никаких у него привязок, кроме этой. – И миссис Мег указала на сестру.

– Дан рано или поздно найдет себя, а опыт – лучший учитель. Он по-прежнему довольно неотесанный, но каждый раз, как он сюда является, я вижу перемены к лучшему – и не теряю

⁷ Уле Буль (1810–1880) – норвежский скрипач-виртуоз; много выступал в США и был там чрезвычайно популярен.

⁸ Семеро Спящих (Семь отроков эфесских) – персонажи христианской легенды, которые были заточены в пещере, где не умерли, а заснули чудесным сном и проспали почти два века.

веры в него. Может, он не совершит ничего великого и вряд ли разбогатеет, но если из испорченного мальчишки вырастет честный человек, мне большего и не надо, – произнесла миссис Джо, всегда встававшая на защиту паршивых овечек из своего стада.

– Правильно, мама, защищай Дана! Он куда достойнее всех на свете Джеков и Недов, которые похваляются своими заработками и надувают щеки. Вот увидишь, он еще станет твоей гордостью и докажет, что они и мизинца его не стоят! – добавил Тед, ибо его любовь к Данни теперь подкреплялась мальчишеским восхищением смелым и решительным мужчиной.

– Я на это и надеюсь. Он из тех, кто обязательно прославится, пусть и поступая безрассудно: полезет на Маттерхорн⁹, прыгнет через Ниагарский водопад¹⁰ или найдет золотой самородок. Он сумеет вырвать с корнем мальчишескую бесшабашность – куда надежнее, чем мы, – задумчиво произнес Том, понаторевший в искоренении собственных сильных чувств с тех пор, как начал изучать медицину.

– Гораздо надежнее! – от души согласилась миссис Джо. – Мне спокойнее, когда мои мальчишки отправляются открывать для себя большой мир, чем когда они остаются в больших городах со всеми их искусами, где всего-то занятий – прожигать время, деньги и здоровье и куда заносит столь многих. Дану приходится самому прокладывать себе дорогу, а это верный способ воспитать отвагу, терпение и самодостаточность. За него я тревожусь меньше, чем за Джорджа и Долли в колледже – за двух этих младенцев, совершенно не приспособленных к самостоятельной жизни.

– Ну а Джон? Он же носится по городу по поручениям своей газеты, пишет заметки обо всем на свете, от проповедей до кулачных боев, – заметил Том, которому казалось, что ему бы такая жизнь пришлась куда более по душе, чем медицинские лекции и больничные палаты.

– У Деми целых три хранителя: твердые принципы, утонченный вкус и мудрая маменька. Он не собьется с пути, а опыт пригодится ему, когда он станет писателем – в чем лично я не сомневаюсь, – пророческим тоном начала миссис Джо, потому что ей очень хотелось, чтобы хоть кто-то из ее утят превратился в лебедя.

– Вспомни про Дженкинса – и тут же зашуршит газетная бумага! – воскликнул Том, потому что на аллее показался румяный кареглазый юнец – он размахивал газетой.

– Вот ваш «Вечерний сплетник»! Самый свежий выпуск! Ужасное убийство! Сбежал банковский клерк! Взрыв на пороховом заводе, всеобщая забастовка учеников латинских школ! – взревел Тед, с грацией юного жирафа кидаясь навстречу двоюродному брату.

– Командор вошел в порт и при первой возможности отдаст швартов и развернется по ветру! – сообщил Деми, «подбегая к морским эпитафиям»¹¹, – он подошел, улыбаясь добрым новостям.

Тут все заговорили разом, передавая газету из рук в руки, чтобы каждый мог самолично увидеть в ней радостное сообщение: «Бренда», судно из Гамбурга, благополучно встало на якорь.

– Он явится сюда завтра, с обычным своим запасом морских чудищ и развеселых баек. Я его уже видел – жизнерадостный, обветренный, загорелый, как кофейное зернышко. Плаванье выдалось удачное, он надеется, что его повысят до второго помощника – бывший помощник сломал ногу, – сообщил Деми.

– Вот уж я бы ему ее вправила, – пробормотала себе под нос Нан, сопроводив слова профессиональным жестом.

⁹ *Маттерхорн* – один из самых высоких пиков в Швейцарских Альпах.

¹⁰ *Ниагарский водопад* на самом деле представляет собой комплекс водопадов на реке Ниагаре, на границе США и Канады.

¹¹ Эта фраза – типичный пример «малапропа», или замены нужных слов близкими по звучанию, но неверными по значению, что создает комический эффект. Фраза взята из комедии Ричарда Шеридана «Соперники» (1775), где их произносит миссис Малапроп – от нее и пошло название этой речевой ошибки. На самом деле она хотела сказать: «прибегая к морским эпитетам».

– А как там Франц? – осведомилась миссис Джо.

– Собирается жениться! Такие вот новости. Первым из всех нас, тетушка, так что можешь с ним распрощаться. Невесту зовут Людмила Хильдегарда Блюменталь – из добропорядочной семьи, с деньгами; сама она хороша собой и, разумеется, чистый ангел. Старина Франц хочет получить дядюшкино согласие, а потом заживет жизнью счастливого и честного бюргера. Многие лета!

– Рада это слышать. Мне хочется, чтобы все мои мальчики обзавелись хорошими женами и собственным домом. Если все пойдет гладко, за Франца я смогу больше не тревожиться, – заявила миссис Джо, с удовлетворением скрестив руки на груди: дело в том, что она часто чувствовала себя неугомонной наседкой, у которой на руках целый выводок утят и цыплят.

– Я тоже рад, – вздохнул Том, бросив косой взгляд на Нан. – Это человеку и нужно, чтобы не сбиться с пути. А симпатичным девушкам полагается при первой же возможности выходить замуж, верно, Деми?

– Если подвернется симпатичный юноша. Вот только женское население числом превосходит мужское, особенно в Новой Англии; это свидетельствует о высоком уровне развития культуры, надо полагать, – ответил Джон, который стоял, облокотившись о стул своей мамы, и шепотом пересказывал ей, что с ним случилось за день.

– Это, дорогие мои, только на благо, ибо на то, чтобы привести мужчину в этот мир, провести по жизни и отправить на выход, нужно три-четыре женщины. Вы, мальчики мои, неदेशево нам обходитесь; считайте, что вам повезло, что матери, сестры, жены и дочери помнят свой долг и исполняют его честно – иначе вы давно бы исчезли с лица земли, – торжественно произнесла миссис Джо, доставая корзинку с кучей рваных носков: дело в том, что добрый профессор по-прежнему снашивал носки с поразительной скоростью, а сыновья его пошли в этом смысле по его стопам.

– Именно поэтому у этих «избыточных женщин» дела хоть отбавляй – заботиться обо всех беспомощных мужчинах и их семьях. Это я вижу все отчетливее с каждым днем и очень рада, что благодаря своей профессии стану полезной, счастливой и самостоятельной старой девой.

Нан так подчеркнула последнее слово, что Том застонал, а остальные расхохотались.

– Ты, Нан, – предмет моей особой гордости; надеюсь, что тебя ждет успех, потому что в мире очень не хватает таких вот деятельных женщин. Мне иногда кажется, что я выбрала себе не то жизненное поприще – мне не следовало выходить замуж; однако к этому призвал меня долг, и я ни о чем не жалею, – заявила миссис Джо, которая складывала, прижав к груди, большой и очень драный синий носок.

– И я не жалею. Что бы я делал без моей милой мамочки? – добавил Тед, заключив ее в сыновние объятия – в результате оба скрылись за газетой, в чтение которой он, ко всеобщему облегчению, погрузился на несколько минут.

– Сыночек, если бы ты хоть изредка мыл руки, твои объятия не были бы столь губительны для моего воротника. А впрочем, ладно, неряха мой ненаглядный, лучше уж пятна травы и грязи, чем совсем никакой ласки.

Миссис Джо вынырнула из временного укрытия – вид у нее был весьма освеженный, хотя волосы запутались в пуговицах Теда, а воротничок застрял под его ухом.

Тут Джози, которая разучивала на другом конце веранды свою роль, внезапно издала трагический вопль и с таким пылом продекламировала монолог Джульетты на смертном одре, что мальчики громко зааплодировали, Дейзи вздрогнула, а Нан пробормотала:

– Слишком сильное мозговое возбуждение для ее возраста.

– Боюсь, Мег, тебе придется с этим смириться. Девочка – прирожденная актриса. Мы никогда не поднимались до таких высот, даже в «Проклятии ведьмы», – заключила миссис

Джо, кидая букет из носков разного цвета к ногам своей раскрасневшейся, запыхавшейся племянницы, когда та грациозно повалилась на коврик у двери.

– По заслугам мне – так отливается моя детская страсть к сцене. Теперь-то я понимаю, что чувствовала бедная мумуля, когда я умоляла ее разрешить мне стать актрисой. Я никогда не дам своего согласия, но не исключено, что мне в очередной раз придется отречься от своих упований и планов.

Легкий упрек в голосе матери заставил Деми поднять сестру с пола, слегка встряхнуть и строго попросить «оставить эти глупости на людях».

– Отпусти, Миньон, а то изображу Одержимую невесту¹² и особенно постараюсь на «ха-ха!», – вскричала Джози, бросив на него взгляд обиженного котенка.

Когда ее поставили на ноги, она присела в грациозном реверансе и, напыщенно возгласив: «Карета миссис Воффингтон¹³ подана!» – элегантно спустилась по ступеням и завернула за угол, величественно волоча за собой алый шарф Дейзи.

– Правда с ней не соскучишься? Я бы умер от тоски в нашем унылом доме, если бы его не оживляло это дитя. Если она сделается благовоспитанной, я тут же сбегу, так что не давите на нее слишком сильно, – нахмурившись, обратился Тедди к Деми, который писал на ступеньках какие-то стенографические заметки.

– Вы одного поля ягоды, чтобы держать тебя в узде, тоже нужна крепкая рука, но мне это нравится. Джози больше подходит в дети мне, а Роб – тебе, Мег. Тогда у тебя в доме царили бы мир и покой, а у меня был бы настоящий бедлам¹⁴. Ну, пойду сообщу новости Лори. Пошли со мной, Мег, прогулка тебе на пользу.

Нахлобучив соломенную шляпу Теда, миссис Джо удалилась вместе с сестрой, оставив Дейзи присматривать за булочками, Теда – утешать Джози, а Тома и Нан – мучить своих пациентов, чем они и занимались следующие полчаса.

¹² «Одержимая невеста, или Страшная тайна Холлоу-Эш-Холла» – бульварный роман писательницы Маргарет Блаунт (1872–1898). В принципе, название говорит само за себя.

¹³ Маргарет Воффингтон (1720–1760) была известной английской актрисой и светской дамой.

¹⁴ Слово «бедлам», обозначающее неразбериху, беспорядок, происходит от названия Бедламской королевской лечебницы, психиатрической больницы в Лондоне. «Бедламская», в свою очередь, это сокращенное «Вифлеемская».

Глава вторая. Парнас

Название ему дали самое подходящее, а музы нынче, похоже, были дома, потому что, когда новоприбывшие поднялись по склону, их встретили соответствующие звуки и зрелища. Миновав открытое окно, они заглянули в библиотеку, где председательствовали Клио, Каллиопа и Урания; Талия и Мельпомена были заняты в вестибюле – там молодые люди танцевали и репетировали пьесу; Эрато прогуливалась в саду со своим воздыхателем, а в музыкальной гостиной Феб самолично руководил слаженным хором.

Наш старый друг Лори превратился в зрелого Аполлона, но сохранил сердечность и доброжелательность; годы выковали из капризного мальчика благородного мужчину. Горести и заботы, наряду с радостями и счастьем, сделали свое дело, а свой долг по исполнению желаний деда он выполнял с полной самоотдачей. Некоторым людям богатство на пользу – они могут цвести только в лучах солнца, другим же нужна тень, а легкие заморозки делают их лишь прелестнее. Лори был из первых, а Эми – из вторых; соответственно, жизнь их с самой свадьбы напоминала стихотворение, отличаясь не только гармоничностью и счастьем, но целеустремленностью, пользой, наполненностью той дивной благодатью, которая способна творить чудеса там, где богатство и мудрость идут рука об руку со щедростью. Дом супругов Лоренс отличался непревзойденной красотой и удобством, его хозяин и хозяйка – любители изящных искусств – привечали там самых разных творческих людей. Лори мог наслаждаться музыкой в свое удовольствие – он был щедрым покровителем молодых дарований и помогал им с особой радостью. У Эми были свои протеже среди одаренных молодых художников и скульпторов, а собственные творения стали ей особенно дороги с тех пор, как дочь подросла и смогла делить с ней труды и восторги. Эми была из тех, кто способен доказать: женщине по силам быть преданной женой и матерью, не отрекаясь при этом от тех уникальных способностей, которые она может развить собственными и чужими усилиями.

Сестры знали, где ее искать, поэтому Джо сразу же направилась в студию – мать и дочь работали там бок о бок. Бесс трудилась над бюстиком ребенка, а мать ее добавляла последние штрихи к великолепному портрету мужа. Глядя на Эми, можно было подумать, что время стоит на месте – счастье сохранило ей молодость, а богатство добавило необходимой утонченности. Грациозная и статная, она демонстрировала, какую элегантность способен вкус придать простоте, если должным образом выбрать наряд и должным образом его носить. Кто-то однажды подметил: «Никогда не заметишь, что надето на миссис Лоренс, но всегда создается впечатление, что она одета лучше всех остальных».

Сразу бросалось в глаза, что она обожает свою дочь – да и было за что: красота, о которой она некогда мечтала, воплотилась сполна – по крайней мере на ее любящий взгляд – в этой ее более юной копии. Бесс унаследовала от матери фигуру Дианы, голубые глаза, белую кожу и выющиеся золотистые волосы, которые собирала в такой же классический узел. А кроме того, – ах! то было для Эми неиссякающим источником радости – ей достались правильные отцовские нос и рот, только в более женственном варианте. Длинный льняной фартук в его строгой простоте очень ей шел, а трудилась она с полной самоотдачей, как и положено настоящему творцу, и не замечала обращенных на нее любящих взглядов, пока тетя Джо не воскликнула:

– Милые мои, хватит печь пирожки из грязи! Послушайте новости!

Обе художницы выронили инструмент и с искренней сердечностью поприветствовали неукротимую родственницу – притом что пылали вдохновением, а приход Джо разрушил его чары. Они уже всю сплетничали, когда явился Лори (его позвала Мег) и, усевшись между сестрами, – между ними не было никаких преград – с интересом выслушал новости про Франца и Эмиля.

– Разразилась эпидемия, боюсь, она скосит все твоё стадо. Готовься, Джо: следующие десять лет тебе предстоят сплошные романы и разлады. Мальчики твои подросли и готовы очертя голову броситься в море ещё худших безумств, чем те, которые ты уже пережила, – подытожил Лори, довольный, что вызвал у Джо на лице выражение радости, смешанной с отчаянием.

– Я это знаю и надеюсь, что помогу им без потерь достигнуть берега; впрочем, это тяжёлая ответственность – ведь они будут требовать от меня, чтобы все их сердечные дела протекали без сучка без задоринки. Впрочем, мне это по душе, а Мег у нас такая сентиментальная квочка, что ей это только в радость, – ответила Джо, не особенно переживавшая за своих мальчиков – им пока ничего не грозило в силу самой их молодости.

– Вряд ли ей будет в радость, если Нат начнет всерьёз увиваться вокруг Дейзи. Ты же понимаешь, к чему дело клонится? Я не только его музыкальный наставник, но ещё и конфиденгент – я должен знать, какой ему дать совет, – рассудительно произнес Лори.

– Тш-ш! Не забывай – тут ребенок! – начала было Джо, кивая на Бесс, но та уже вновь погрузилась в работу.

– Да полно! Она в Афинах и ничего не слышит. Впрочем, ей пора прерваться и пойти погулять. Милая, пусть твоя детка поспит, а ты ступай пройдишься. Тетя Мег ждет в гостиной – покажи ей новые картины, а там и мы подойдем, – добавил Лори, глядя на свою выросшую дочку так, как Пигмалион, видимо, глядел на Галатею¹⁵: он считал ее самой прекрасной статуей в своем доме.

– Хорошо, папа. Только скажи, нравится ли тебе. – Бесс послушно отложила инструмент, окинув бюст долгим взглядом.

– Обожаемая моя дочь, истина заставляет меня признать, что одна щечка получилась пухлее другой, а кудряшки у младенца на лбу больше похожи на рога; в остальном он ничем не хуже херувимов Рафаэля; мне очень нравится.

Лори говорил со смехом, поскольку первые потуги его дочери очень напоминали потуги Эми – невозможно было относиться к ним так же строго, как ее одухотворенная мама.

– Ты не видишь красоты ни в чем, кроме музыки, – отвечала Бесс, покачав золотоволосой головкой – она отчетливо вырисовывалась на фоне неяркого света, лившегося с застекленного потолка просторной студии.

– В тебе, душенька, я безусловно вижу красоту; если ты не произведение искусства, так что же? Но мне хочется наполнить тебя духом природы, оторвать от холодной глины и мрамора и вывести на солнечный свет – чтобы ты танцевала и смеялась вместе с остальными. Мне нужна дочка из плоти и крови, а не прекрасная статуя в сером фартуке, которая только и думает что о своей работе.

Пока он говорил, две перепачканные руки обвили его шею, и Бесс произнесла от всей души, отделяя одно слово от другого легкими поцелуями:

– О тебе я никогда не забываю, папочка; но я хочу создать подлинный шедевр, чтобы тебе наконец понравилось. Мама часто велит мне остановиться, но когда мы попадаем сюда, то забываем про весь мир – мы очень заняты и очень счастливы. Ну, пойду побегаю и спою, чтобы тебя порадовать.

Сбросив фартук, Бесс исчезла за дверью – и вместе с нею, казалось, ушел и весь свет.

– Я рада, что ты ей это сказал. Бедное дитя слишком много предается мечтам о творчестве, мала она для этого. А виновата я – мне так созвучны ее чаяния, что я забываю о благоразумии, – вздохнула Эми, аккуратно накрывая младенца влажным полотенцем.

¹⁵ *Пигмалион* – персонаж древнегреческого мифа: он изваял статую прекрасной девушки Галатеи и влюбился в нее; сжалившись над несчастным, богиня Афродита ее оживила.

– Мне кажется, способность жить дальше в своих детях – одна из главных прелестей бытия, однако я стараюсь не забывать слова, которые мумуля когда-то сказала Мег: что отцы должны принимать участие в воспитании и мальчиков, и девочек; поэтому Теда я в основном предоставляю отцу, а Фриц время от времени отдает мне Роба: его скромность для меня столь же утешительна, сколь и буйства Теда – для его отца. Эми, мой тебе совет: сделай так, чтобы Бесс ненадолго бросила лепить пирожки из грязи и позанималась музыкой вместе с Лори: ее это спасет от односторонности, а его – от ревности!

– Вот именно! Даниил – истинный Даниил!¹⁶ – воскликнул очень довольный Лори. – Я так и знал, Джо, что ты не останешься в стороне и замолвишь за меня словечко. Да, я слегка ревную к Эми и хотел бы побольше заниматься своей дочкой. Душенька, отдай ее мне на это лето, а на будущий год, когда мы поедем в Рим, я ее тебе верну – приобщать к высоким искусствам. Разве это не справедливо?

– Совершенно с тобой согласна; однако, занимаясь своими хобби – природой и между делом музыкой, – не забывай, что, хотя нашей Бесс всего пятнадцать, она старше большинства своих сверстниц, с ней нельзя обращаться как с ребенком. Мне она невыразимо дорога, мне хочется, чтобы она всегда оставалась столь же чистой и прекрасной, как ее любимый мрамор!

В голосе Эми звучало сожаление, и она обводила взглядом прелестную мастерскую, в которой провела столько счастливых часов со своей ненаглядной дочерью.

– «Поиграл сам – дай другому, не будь жадиной», как мы говорили, когда всем хотелось поскакать на яблоне или надеть красные башмачки, – решительно объявила Джо. – Так что научитесь не жадничать, когда речь идет об общей дочери, – а там сами увидите, кому больше достанется.

– Так и сделаем! – поддержали ее, рассмеявшись, любящие родители, ибо слова Джо пробудили счастливые воспоминания.

– Как мне нравилось прыгать на ветках старой яблони! Уж на каких настоящих лошадях я потом ни ездила, а все не то! – произнесла Эми, глядя в окно – она будто бы видела за ним милый старый сад и играющих там девочек.

– А как я обожала эти башмачки! – рассмеялась Джо. – Все храню их ошметки, мальчишки истрепали их до дыр. Все равно они мне очень нравятся, и я с удовольствием бы в них покрасовалась.

– А все мои самые лучшие воспоминания связаны с колбасой и сковородкой. Ну мы и развлекались! И как же это было давно! – добавил Лори, глядя на обеих дам так, будто с трудом мог себе представить, что когда-то они были малюткой Эми и проказницей Джо.

– Вот только не намекай, что мы уже старые. Мы просто расцвели и вместе со всеми этими бутонами составляем изумительный букет, – откликнулась миссис Эми, расправляя складки своего розового муслинового платья с тем же одобрительным изяществом, с каким маленькая девочка когда-то оправляла нарядную обновку.

– А еще обзавелись шипами и сухими листьями, – добавила Джо, вздохнув; жизнь почти никогда ее не баловала, вот и сейчас ей хватало тревог, и явных, и скрытых.

– Пойдем, старушка, выпьем чайку, а заодно поглядим, что там молодежь делает. Ты устала, надо бы тебя «подкрепить вином и освежить яблоками»¹⁷, – предложил Лори, взял под руки обеих сестер и повел их пить чай – его на Парнасе подавали в изобилии, как в былые времена – нектар.

Мег они обнаружили в летней гостиной, прелестной, хорошо проветриваемой комнатке, залитой полуденным солнцем и заполненной шелестом листвы – три высоких окна открыва-

¹⁶ Имеется в виду один из библейских пророков, отличавшийся величайшей мудростью.

¹⁷ Это видоизмененная цитата из Песни песней: «Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви» (Песн. 2: 5).

лись в сад. Рядом с летней располагалась просторная музыкальная гостиная, а по другую сторону, в глубоком алькове за алым занавесом, устроили небольшое семейное святилище. Здесь висели три портрета, по углам стояли два мраморных бюста, рядом – кушетка и овальный столик, а на нем – ваза с цветами; другой мебели в этом уголке не было. То были бюсты Джона Брука и Бет, которые изваяла Эми: оба обладали изумительным сходством, оба отличались скромной красотой, которая заставляет вспомнить слова: «Глина воплощает в себе жизнь, гипс – смерть, мрамор – бессмертие». Справа, на месте, приличествующем основателю дома, висел портрет мистера Лоренса, выражавший все ту же смесь гордости и благожелательности, сохранивший ту же свежесть и привлекательность, как в тот день, когда он застал перед ним маленькую Джо, застывшую в восхищении. Напротив висел портрет тетушки Марч, выполненный Эми: роскошный тюрбан, руки в длинных митенках, величественно скрещенные на фоне фиолетового атласного платья с пышными рукавами. Время смягчило суровость ее облика, и, видимо благодаря пристальному взгляду симпатичного пожилого джентльмена, висевшего напротив, на губах прорезалась любезная улыбка, причем с губ этих уже много лет не слетало ни одного резкого слова.

С самого почетного места, куда падал теплый солнечный свет, смотрело любимое лицо мумули, изображенное с большим искусством одним великим художником, с которым она познакомилась, когда он был еще беден и малоизвестен. Сходство было изумительным; казалось, она улыбается своим дочерям и говорит бодрым голосом: «Будьте счастливы. Я по-прежнему с вами».

Три сестры постояли немного, взирая на любимые черты с почтительной нежностью и тоской, которая не оставляла их никогда; эта благородная женщина значила для них столько, что занять ее место не удалось ни одному человеку. Прошло лишь два года с тех пор, как она ушла от них, чтобы познать новую жизнь и новую любовь, оставив по себе несказанно добрую память, служившую утешением и вдохновением для всех домочадцев. Это ощущение заставило их сгрудиться теснее, Лори же облек его в слова:

– Не прошу для своей дочери о доле лучшей: пусть станет такой, как наша мама. Слава Богу, все к тому идет, и я ей в этом помощник; ведь всем лучшим в себе я обязан этой святой женщине.

Тут чистый голос запел в музыкальной гостиной «Ave Maria»¹⁸, а Бесс привычно повторила за отцом его молитву, ибо безропотно подчинялась всем его желаниям. Нежные звуки молитвы, которую когда-то пела мумуля, вернули слушателей в наш мир после недолгого свидания с утраченными родными; они сели рядом возле открытого окна и с наслаждением внимали музыке. Лори же принес им чай, да с такой заботливостью, что всех умилила эта небольшая услуга.

Вошли Нат с Деми, а вскоре затем – Тед и Джози, профессор и его верный Роб: всем хотелось услышать новости про «мальчиков». Звон чашек и гул разговора сделались энергичнее, а закатное солнце осветило веселую компанию, собравшуюся в уютной комнатке после разнообразных дневных трудов.

Профессор Баэр поседел, но оставался по-прежнему крепким и жизнерадостным; он занимался любимой работой, причем с таким энтузиазмом, что весь колледж ощущал его благотворное влияние. Роб был похож на отца настолько, насколько мальчик может быть похож на мужчину, и его уже называли «молодым профессором», ибо он обожал учиться, да и вообще во всем подражал своему почтенному отцу.

– Видишь, душа моя, мальчики к нам вернутся, сразу оба, то-то же будет радость, – заметил мистер Баэр, садясь рядом с Джо и нежно пожимая ей руку; лицо его так и светилось.

¹⁸ «Ave Мария» («Радуйся, Мария») – название католической молитвы, обращенной к Пресвятой Деве. Существует множество вариантов ее переложения на музыку.

– Ах, Фриц, я так рада за Эмиля, да и за Франца – если, конечно, ты одобряешь его выбор. Ты знаком с Людмилой? Подходящий ли это брак? – спрашивала миссис Джо, передавая мужу свою чашку и придвигаясь поближе, будто в поисках его защиты в радости, как и в горе.

– Все к лучшему. Я видел Mädchen¹⁹, когда отвозил Франца на родину. Она была еще дитя, но очень милое и обаятельное. Блюменталь, насколько я понял, вполне доволен, так что мальчик будет счастлив. Он слишком типичный немец, место ему только в Vaterland²⁰ – словом, быть ему связующим звеном между старым и новым, чему я крайне рад.

– А Эмиль пойдет в следующий рейс уже вторым помощником. Я очень рада, что оба твоих воспитанника так преуспели; ведь ты столько принес жертв ради них и их матери. Ты, дорогой, не любишь об этом упоминать, однако я ни на миг об этом не забываю, – сказала Джо, задержав свою руку в его с милой сентиментальностью, как будто она вернулась в годы девичества, а Фриц только начал за ней ухаживать.

Он рассмеялся своим жизнерадостным смехом и, спрятавшись за ее веер, прошептал:

– Если бы я не приехал в Америку ради бедных мальчиков, я никогда бы не встретил мою Джо. Теперь те трудные времена выглядят такими милыми, и я благодарю Бога за все, что якобы потерял, потому как обрел главное в своей жизни.

– А они тут милуются! Спрятались и воркуют! – закричал Тедди, в самый интересный момент заглянув под веер, – к смятению матери, отца же его это лишь позабавило, ибо профессор ничуть не стыдился того факта, что по-прежнему считал свою жену лучшей женщиной на свете. Роб тут же вытолкнул брата в окно, но тот немедленно вскочил обратно через соседнее, а миссис Джо сложила веер и взяла его на изготовку – надавать негоднику по костяшкам пальцев, если он приблизится снова.

Откликнувшись на призывный взмах чайной ложкой, Нат подошел к мистеру Баэру и встал перед ним с уважительно-приязненным выражением на лице, отражавшим его отношение к замечательному человеку, столь многое для него сделавшему.

– Письма для тебя я подготовил, сын мой. У меня в Лейпциге есть двое старых друзей, они поддержат тебя при вступлении в новую жизнь. Хорошо, что они есть на свете, в первое время тебя будет мучить тоска по дому, и тебе понадобится утешение, – произнес профессор, подавая Нату несколько писем.

– Благодарю вас, сэр. Да, полагаю, до начала занятий мне будет одиноко, но потом музыка и надежда на будущее наверняка поднимут мне настроение, – отвечал Нат, который думал о грядущем отъезде и с упованием, и со страхом – ведь предстояло расстаться со старыми друзьями и заводить новых.

Он успел стать мужчиной, но голубые глаза глядели все так же честно, рот так и остался слабоватым, хотя и приукрасился тщательно взлелеянными усиками, а широкий лоб отчетливее прежнего подчеркивал музыкальность натуры, которая проявилась еще в юности. Скромного, ласкового и послушного Ната миссис Джо считала симпатичным, хотя и не блестящим. Она относилась к нему с любовью и доверием, была убеждена, что он станет стараться на совесть, однако великого будущего ему не прочила – вот разве что заграничное образование и самостоятельная жизнь сделают его более самобытным музыкантом и волевым человеком, чем кажется сейчас.

– Я – вернее, Дейзи – нашла метки на все твои вещи; как только соберешь учебники, можно приступать к сборам, – сказала мисс Джо, уже привыкшая отправлять своих мальчиков в разные концы света – даже путешествие на Северный полюс и то бы ее не смутило.

При упоминании имени Дейзи Нат залился краской – или, может, последний отблеск заката окрасил его бледные щеки? – и сердце радостно защемило при мысли о милой барышне,

¹⁹ Девушку (нем.).

²⁰ Родной стране (нем.).

проставлявшей буквы «Н» и «Б»²¹ на его скромных носках и платках; дело в том, что Нат обо- жал Дейзи и заветная мечта его состояла в том, чтобы утвердиться на музыкальном поприще и назвать этого ангела своей женой. Эта надежда питала его сильнее, чем все советы профессора, заботы миссис Джо и щедрость мистера Лори. Только ради нее он трудился, ждал и надеялся, черпая мужество и терпение в мечтах о счастливом будущем, когда Дейзи станет хозяйкой их общего домика и с кончика его смычка на колени ей будут скатываться золотые монеты. Мис- сис Джо это было известно, и, хотя, пожалуй, она выбрала бы для своей племянницы кого-то другого, ей было ясно, что Нату нужна именно такая рассудительная, любящая и заботливая Дейзи, а без нее он может превратиться в одного из тех обходительных и неприкаянных муж- чин, которые не способны ничего добиться потому, что нет надежного кормчего, который вел бы их по морю жизни. Миссис Мег откровенно хмурилась в ответ на влюбленность несчаст- ного – она и слышать не хотела о том, чтобы отдать свою ненаглядную дочурку кому-то, кроме лучшего мужчины на земле. Несмотря на исключительную доброту, она проявляла твердость, редкостную в человеке столь мягкосердечном; Нат искал утешения у миссис Джо, которая все- гда всей душой поддерживала своих мальчиков во всех их начинаниях. Теперь, когда мальчики выросли, на место былых забот пришли новые, и она знала, что ее ждут бесчисленные тревоги, равно как и бесчисленные радости по поводу сердечных дел ее подопечных. Обычно миссис Мег оказывалась лучшей ее союзницей и советницей – романтические истории она любила не меньше, чем в те времена, когда и сама была цветущей девушкой. Однако в данном случае она проявляла неожиданное жестокосердие и не внимала никаким увещаниям.

– Нат никогда не был настоящим мужчиной и никогда не станет; нам ничего не известно о его семье, жизнь у музыканта тяжелая; Дейзи слишком молода – вот через пять-шесть лет, когда оба пройдут испытание временем, – тогда может быть. Посмотрим, как на него повлияет разлука.

Ничего иного она и слышать не хотела, ибо, когда в ней пробуждался материнский инстинкт пеликана²², она могла проявлять отменную твердость, хотя ради ненаглядных своих детей готова была вырвать последнее перо и пожертвовать последней каплей крови.

Именно об этом и думала миссис Джо, пока Нат беседовал с ее мужем о Лейпциге, и постановила про себя побеседовать с ним до отъезда начистоту; она привыкла выслушивать признания и без утайки говорила со своими мальчиками об искушениях и испытаниях, неиз- бежных на начальном этапе любой жизни, – именно они часто отравляют юношам существо- вание, потому что в нужный момент некому сказать нам нужное слово.

Наипервейший долг родителей заключается именно в этом, и ложная деликатность не должна мешать им проявлять разумную бдительность, не должна препятствовать доброжела- тельным упреждениям, которые превращают самопознание и самоконтроль в компас и корм- чего для юных созданий, впервые покинувших безопасную гавань родного дома.

– Идет Платон со своими учениками! – возвестил непочтительный Тедди, завидев мистера Марча, окруженного группой молодых людей и девушек; мудрый старец пользовался всеобщей любовью, а сам так пекся о своей пастве, что многие молодые люди на всю жизнь сохранили благодарность за ту помощь, которую он оказывал их сердцам и душам.

Бесс немедленно подбежала к нему; после кончины мумули она трогательно заботилась о дедушке, и так восхитительно было смотреть, как золотоволосая головка склоняется над седой, как она выкатывает ему кресло и с нежной настоятельностью печется о нем.

– Эстетический чай, как всегда, льется рекой, сэр; или, может, вам неупиваемую чашу или глоток амброзии? – поинтересовался Лори, бродивший по комнате с сахарницей в одной

²¹ Фамилия Ната – Блейк. – *Примеч. ред.*

²² Пеликан считается символом родительской любви и самопожертвования. В частности, существует поверье, что, если нет другой пищи, он кормит птенцов мясом, вырванным из собственной груди.

руке и блюдом кексов – в другой; ему очень нравилось подслащать напитки и насыщать страждущих.

– Нет, благодарю; дитя обо мне уже позаботилось. – Мистер Марч повернулся к Бесс, которая сидела на подлокотнике его кресла со стаканом свежего молока.

– Пусть и далее продолжает в том же духе, и как же мне отрадно видеть это дивное опровержение слов из известной песни, что «старости и юности вдвоем не быть»²³, – отвечал Лори, улыбаясь необычной паре.

– «Сварливой старости», папа; а это совсем другое дело! – запальчиво отозвалась Бесс, которая любила стихи и вдумчиво их читала.

– Не найти вам розы нежной
Посреди равнины снежной²⁴, –

процитировал мистер Марч, а тут подошла Джози и пристроилась на втором подлокотнике, всем своим видом напоминая очень колючую розочку, потому как у нее вышел горячий спор с Тедом, из которого она не вышла победительницей.

– Дедушка, разве женщины обязаны всегда подчиняться мужчинам и говорить, что те – самые умные, только потому, что мужчины – самые сильные? – воскликнула она, бросив полный неистовства взгляд на своего кузена – тот подобрался поближе, и лукавая улыбка сияла на его мальчишеском лице, выглядевшем так нелепо при его высоком росте.

– Видишь ли, душенька моя, в былые времена именно так и считалось, изменить это мигом не получится. Но я убежден: настанет час и для женщин, и, на мой взгляд, мальчикам нужно удвоить усилия, потому что девочки идут с ними ноздря в ноздрю и вскорости их опередят, – отвечал мистер Марч, с отеческим довольством окидывая взглядом умные девичьи личики – среди лучших студентов колледжа было много женщин.

– Вот только, увы, бедных маленьких Аталант²⁵ сдерживают препятствия на их пути – причем никакие это не золотые яблоки. И все же мне кажется, они вполне могут преуспеть, если научатся бегать половчее, – рассмеялся дядя Лори, глядя непокорные волосы Джози – они стояли дыбом, точно шерстка рассерженного котенка.

– Если я взялась за дело, меня не остановят целые бочки яблок, не собьют с пути даже тысячи Тедов, сколько бы ни старались. Я им докажу, что женщина способна поступать не хуже мужчины, а порой и лучше. Так уже бывало, так будет и в будущем; я никогда не соглашусь с тем, что мозг у меня глупее, чем у них, пусть даже он и меньше! – вскричала возбужденная юная девица.

– Будешь так трясти головой – размолотишь и тот мозг, который у тебя есть; я бы на твоём месте обращался с ним поаккуратнее, – поддразнил ее Тед.

– А с чего началась эта гражданская война? – поинтересовался дедушка, мягко подчеркнув прилагательное; это заставило соперников слегка умерить свой пыл.

– Ну, мы просматривали «Илиаду» и добрались до того места, где Зевс велит Юноне не вмешиваться в его планы, а то он отстегает ее кнутом; Джо возмутилась, потому что Юнона покорно умолкает. Я сказал, что все правильно, и согласился с этим стариканом в том, что женщины ничего ни в чем не понимают и обязаны подчиняться мужчинам, – объяснил Тед, немало позабавив своих слушателей.

²³ Цитата из «Мадригала», который входит в сборник стихов «Страстный пилигрим», приписываемый У. Шекспиру. Перевод И. Палий.

²⁴ Строки из стихотворения «Эвтаназия» английского поэта Ричарда Крэшоу (1613–1649).

²⁵ *Аталанта* – персонаж древнегреческого мифа, искусная охотница, ловкостью превосходившая многих мужчин.

– Богини могут поступать, как им вздумается, а вот все эти гречанки и троянки были настоящими рохлями, если так восхищались мужчинами, не способными самостоятельно драться с врагом, – вечно Палладе, Венере и Юноне приходилось их подбадривать, когда они отступали. Вот ведь умора – две армии расселись и смотрят, как два героя швыряют друг в друга камнями. Не очень-то мне по душе этот ваш древний Гомер. Вот Наполеон и Грант²⁶ – настоящие герои.

Неистовство Джози выглядело очень забавно – как будто колибри решила отчитать страуса; в ответ на ее претензии к бессмертному поэту и критику в адрес богов все так и покатились со смеху.

– Наполеонова Юнона неплохо жила, верно? Вот они, женские аргументы: то в одну сторону, то в другую, – усмехнулся Тед.

– Прямо как та юная особа у Джонсона, которая «мыслила не категорически, а вразброд»²⁷, – добавил дядя Лори, которому это противостояние доставляло невыразимое удовольствие.

– Я говорила про военную сторону дела. Но если вернуться к женщинам, Грант, насколько я знаю, был добрым супругом, а миссис Грант – счастливой женщиной. Он не грозил, что отходит ее кнутом, если она задаст совершенно естественный вопрос; что касается Наполеона, может, с Жозефиной он поступил нехорошо²⁸, зато умел драться – ему никаких подначек со стороны Минервы было не нужно. А тут один глупец на другом – от этого напыщенного Париса до Ахилла, который сидит на своем корабле и дуется; и мнения своего я не изменю, сколько бы там Гекторов и Агамемнонов ни было в этой Греции, – заявила несгибаемая Джози.

– Да, сражаться ты умеешь не хуже троянца, так что мы займем позицию двух дисциплинированных армий и последим за вашим с Тедом поединком, – начал дядя Лори, вставая в позу воина, опирающегося на копье.

– Боюсь, с этим придется повременить, ибо к нам спускается Паллада и сейчас унесет нашего Гектора, – заметил с улыбкой мистер Марч, ибо подошла Джо – напомнить сыну, что скоро ужин.

– Закончим поединок потом, без вмешательства богинь, – постановил Тедди, с необычайным рвением отворачиваясь – он помнил, какое его ждет лакомство.

– Да, сломлен булочкой, клянусь Юпитером!²⁹ – фыркнула ему вслед Джози, торжествуя из-за того, что воспользовалась классическим восклицанием, запретным для ее пола.

Тед, однако, послал в нее парфянскую стрелу³⁰: отходя в боевом порядке, он ответил, с миной величайшей добродетели:

– Обязанность бойца – подчиняться приказу.

Решив не отказываться от женской привилегии – поставить точку в беседе, Джози побежала следом, однако язвительные слова так и не успели сорваться с ее губ, поскольку по ступеням крыльца взбежал густо загоревший молодой человек в синем кителе, радостно выкрикивая:

– Да где вы там? Свистать всех наверх!

²⁶ *Улисс Грант* (1822–1885) – американский политический и военный деятель, полководец северян в годы Гражданской войны в США. – *Примеч. ред.*

²⁷ Слова принадлежат английскому писателю и критику Сэмюэлю Джонсону (1709–1784) и процитированы в его биографии, написанной его другом Джеймсом Босуэллом.

²⁸ Имеется в виду развод Наполеона Бонапарта с его первой супругой Жозефиной Богарне ради женитьбы на австрийской принцессе Марии-Луизе.

²⁹ Это древнее и вроде бы совершенно безобидное восклицание считается по-английски довольно непристойным и не подходящим для дам.

³⁰ *Парфянская стрела* – выражение в английском языке, означающее решительный довод в споре, прибегаемый под самый конец. – *Примеч. ред.*

– Эмиль! Эмиль! – закричала Джози, а на Эмиля тут же налетел Тед, и распря завершилась дружными и радостными приветствиями.

Даже булочки оказались позабыты, и дети, точно два маленьких работающих буксира, влекущих за собой крупное торговое судно, потащили Эмиля в гостиную, где он расцеловался со всеми женщинами и обменялся рукопожатиями со всеми мужчинами – кроме дяди; его он обнял на добрый немецкий манер, к величайшему удовольствию всех наблюдателей.

– Не думал, что меня отпустят прямо сегодня, однако отпустили, и я тут же взял курс на старый добрый Плам. Там – ни души, я отдал швартовы и полным ходом на Парнас – вот где вы все, оказывается. Фу-ты ну-ты, до чего же я рад вас всех видеть! – воскликнул молодой моряк с улыбкой от уха до уха: он стоял, широко расставив ноги, как будто под ним все еще качалась палуба.

– Вместо «фу-ты ну-ты» надо было сказать «разгрызи меня крот», Эмиль, а то на старые времена не похоже. Ах, как здорово от тебя пахнет – кораблем, дегтем! – воскликнула Джози, с огромным удовольствием втягивая свежие морские запахи, которые принес с собой Эмиль. Он был любимым ее кузеном, а она – его солнышком, и у нее не было ни малейших сомнений, что в его оттопыренных карманах найдутся сокровища и для нее.

– Стоп машина, крошка моя, дай-ка я сам очищу трюмы, – рассмеялся Эмиль, поняв подоплеку ее нежных ласк, и, удерживая Джози одной рукой, другой принялся извлекать на свет всевозможные коробочки заморского вида с написанными на них разными именами и раздавать их с соответствующими пояснениями, вызвавшими дружное веселье, – смешить Эмиль умел.

– Вот канат, который минут на пять удержит на месте нашу юркую шлюпку, – начал он, надевая Джози на шею розовое коралловое ожерелье. – А это – подарок Ундине от русалок, – добавил он, вручая Бесс нитку жемчуга на серебряной цепочке.

– Мне показалось, что Дейзи понравится скрипка, а Нат потом найдет ей милого друга, – продолжал со смехом молодой моряк, доставая милую филигранную брошечку в форме скрипки.

– Наверняка понравится, и я с удовольствием ей эту скрипку отнесу, – вызвался Нат и тут же помчался выполнять заветное поручение; он был уверен, что найдет Дейзи быстрее, чем Эмиль.

Эмиль усмехнулся и вытащил медведя резной работы – голова у него откидывалась, внутри находилась вместительная чернильница. Ее он, расшаркавшись, вручил тете Джо.

– Зная вашу особую любовь к этим прекрасным животным, привез вам это – обмакивать перо.

– Отлично, Командор! Лучше и быть не может, – произнесла миссис Джо, очень довольная подарком, профессор же высказал пророчество, что из глубин чернильницы будут извлечены «труды в духе Шекспира», ибо любимая его брюнетка безусловно найдет там вдохновение.

– Тетя Мег у нас носит капоры, несмотря на свою молодость, так что я попросил Людмилу выбрать для нее кружево. Надеюсь, вам понравится. – И из мягкой бумаги появились ажурные полоски, одна из которых рассыпью снежинок легла на прекрасные волосы миссис Мег.

– Для тети Эми я не смог найти ничего умопомрачительного, у нее ведь и так все есть, а потому привез вот эту картинку, – глядя на нее, я всегда вспоминаю те времена, когда Бесс была совсем маленькой.

Он передал тетушке овальный медальон из слоновой кости с изображением золотоволосой Мадонны; под синим плащом она держала розовощекого младенца.

– Какое чудо! – воскликнули все, а тетя Эми тут же повесила медальон на шею, прикрыв к голубой ленте, которую вытащила из волос Бесс; подарок ее просто очаровал, ибо напомнил про самый счастливый год ее жизни.

– Лышу себя, что с подарком для Нан я попал в самую точку: миленькие, но не крикливые, этакий знак, самый подходящий для врача, – продолжил Эмиль, с гордостью демонстрируя сережки в форме черепов, сделанные из вулканической лавы.

– Какой ужас! – Бесс, которая ненавидела все некрасивое, сосредоточилась на своих великолепных кораллах.

– Не будет она носить серьги, – заявила Джози.

– Ну, зато ей понравится прокалывать уши. Ее ведь хлебом не корми, дай потерзать и покровсать своих ближних, – не моргнув глазом ответил Эмиль. – А для вас, приятели, у меня куча всякой добычи в рундуке, но я знал, что не будет у меня ни минуты покоя, пока не выгружу груз, предназначенный девочкам. Ну а теперь делитесь последними новостями.

И, усевшись на лучший столик Эми (с мраморной столешницей), моряк принялся болтать ногами и молотить языком на скорости в десять узлов, пока тетя Джо не увела всех на торжественное чаепитие в честь Командора.

Глава третья. Очередная передряга Джо

По ходу многих жизненных перипетий семейству Марч пришлось пережить немало сюрпризов, а главный заключался в том, что гадкий утенок вдруг превратился если не в прекрасного лебедя, то в ценнейшую курицу, несущую золотые яйца литературного толка – на них неожиданно возник спрос, и за протекшие десять лет самые несбыточные и самые заветные мечты Джо внезапно осуществились. Как и почему это случилось, толком не понимала даже она сама, и тем не менее к ней нежданно пришла некоторая известность, а что еще лучше – в кармане у нее оказалось небольшое состояние, позволившее убрать с пути некоторые материальные препятствия и обеспечить будущее мальчиков.

Началась эта история в один несчастливый год, когда все в Пламфилде шло наперекосяк: времена настали тощие, школа едва держалась, Джо перетрудилась и надолго слегла; Лори и Эми путешествовали за границей, а Баэры, в силу своей гордости, стеснялись попросить о вспомоществовании даже столь близких людей, как эта щедрая пара. Джо, прикованная к постели, сходила с ума от такого положения дел и в конце концов взялась за давно заброшенное перо, ибо у нее не было иного способа залатать дыры в семейном бюджете. Некому издателю понадобилась книга для девочек, Джо быстренько сочинила историю, описав несколько сцен и событий из своей с сестрами биографии (хотя писать про мальчиков ей было куда сподручнее) и, почти не рассчитывая на успех, отправила рукопись в мир.

С Джо всегда все происходило вопреки ожиданиям. Ее первая книга, на которую ушли годы тяжких трудов и в которую было вложено столько светлых надежд и честолюбивых упований юности, бесславно пошла ко дну, хотя остатки кораблекрушения долго еще держались на плаву, обогащая если не Джо, то издателя. Нынешняя же наспех состряпанная история, отосланная в издательство с одной мыслью – заработать несколько долларов, – поймала попутный ветер и, заполучив в кормчие читательское одобрение, вернулась в родной порт с полными трюмами совершенно неожиданных грузов: денег и славы.

Вряд ли хоть одной женщине на земле довелось испытать удивление столь сильное, какое испытала Джозефина Баэр, когда скромное ее суденышко вошло в порт с поднятым флагом, радостно салютуя из всех орудий, доселе молчавших, а главное – вместе с нею во множестве радовались добрые друзья, один за другим пожимали ей руку и от души поздравляли. Дальше путь ее лежал по безбурному морю, оставалось лишь загружать корабли и отправлять их в прибыльные странствия – домой они доставляли груз изобилия для всех, кого она любила и ради кого трудилась.

Широкого признания она так и не достигла; в наше время для обильного дыма почти не нужно огня, известность – это еще не слава. Однако доход ее ремесло, безусловно, приносило, и он пришелся весьма кстати, хотя не был и вполовину столь велик, каким его считала щедрая публика. Тем не менее, единожды всколыхнувшись, волны вздымались все выше, и в итоге семейное судно вошло в уютную гавань, где старшие члены команды могли вкушать отдых, не боясь штормов, а младшие – спускать со стапелей собственные ладьи и отправляться в жизненное странствие.

Годы те были полны счастья, покоя и достатка – такое благо выпало тем, кто терпеливо ждал, упорно трудился и неколебимо верил в мудрость и справедливость Того, Кто посылает разочарование, нужду и горести, дабы испытать крепость любви в человеческих сердцах и придать грядущему успеху особую сладость. Окружающие заметили этот достаток, добрые души радовались тому, что жизнь семьи переменилась к лучшему, однако очень немногие проникли в суть того успеха, который Джо ценила сильнее всего, немногие знали про то ее счастье, которое невозможно ни испортить, ни отобрать.

Дело в том, что ей удалось обеспечить матери счастье и душевное спокойствие в последние годы жизни; бремя забот навеки свалилось с плеч миссис Марч, усталые руки познали отдых, любимое чело не омрачали никакие тревоги, а нежное сердце получило возможность поддерживать всевозможные благотворительные начинания, находя в этом великое утешение. В детстве Джо мечтала подарить мумуле комнату, где та сможет мирно сидеть и наслаждаться покоем на закате своей трудной и героической жизни. Мечта эта претворилась в счастливый факт – мумуля обрела уютную комнатку, обставленную со всевозможными удобствами и роскошествами, любимые дочери ухаживали за ней, ибо силы ее иссякали, рядом был верный супруг, ее надежда и опора, а внуки скрашивали ее закатные годы послушанием и приязнью. Это время оказалось бесценным для всех, ибо мумуля радовалась успехам своих детей так, как могут радоваться только матери. Ей удалось пожать плоды того, что она же и посеяла, увидеть тот день, когда Бог услышал все ее молитвы, мечты воплотились в жизнь, природные дарования расцвели, мир и благополучие снизошли на дом, который она создала; вот тогда, подобно храброму и терпеливому ангелу, завершившему свои труды, она обратила взор свой к небу, дабы вкусить отдых.

Такова была приятная и священная сторона перемен; другая же оказалась докучной и язвящей, как оно и случается в этом нашем непонятном мире. После первого успеха, удивления и радости Джо, со свойственной человеческой натуре неблагодарностью, быстро устала от известности и стала тяготиться утратой свободы. Дело в том, что она внезапно оказалась в плену у восторженных читателей, которые присвоили ее саму и все ее дела, ее прошлое, настоящее и будущее. Незнакомые люди требовали возможности увидеть ее, расспросить, наставить, упредить, поздравить – и доводили ее до умопомрачения своим добронамеренным, но крайне назойливым вниманием. Если она отказывалась раскрывать им душу, звучали упреки; если не хотела поддерживать ничтожные благие начинания, удовлетворять их личные потребности или сопереживать всем человеческим скорбям и невзгодам, ее клеймили за черствость, себялюбие и заносчивость; если у нее не хватало сил ответить на уйму приходивших ей писем, выяснялось, что она пренебрегает своими обязанностями по отношению к поклонникам; если она предпочитала домашнюю гавань пьедесталу, на который ее пытались затащить, звучала громкая критика в адрес «этих заносчивых литераторов».

Она делала все, что могла, ради своих детей – ведь именно они и были ее читателями – и неустанно трудилась, дабы не обманывать ожидания жадного до книг юношества, в устах которого постоянно звучало: «Еще историй! Еще и немедленно!» Родные ее бунтовали, когда ее работа начинала ущемлять их интересы, – и это сказывалось на ее здоровье; тем не менее некоторое время она с благодарностью приносила себя на алтарь литературы для юношества, чувствуя, что многим обязана своим юным друзьям, наконец-то почтившим ее своим фавором после двадцати лет бесплодных усилий.

Но вот настал срок, когда долготерпение ее иссякло; устав быть львом, она превратилась в медведя не только по прозванию, но и по природе³¹, забралась в свою берлогу и только громко ворчала, когда ее пытались оттуда вытащить. Родня ее сильно забавлялась и не слишком сочувствовала ее злоключениям, для Джо же это стало худшей передрагой за всю ее жизнь, ибо превыше всего на свете она ценила свободу, а сейчас эта ценность от нее ускользала. Жизнь на виду быстро утрачивает свою привлекательность, а Джо была слишком немолода, слишком утомлена и слишком загружена, чтобы такой жизни радоваться. Она сочла, что сделала все, чего от нее в принципе можно требовать, когда автографы, фотографии и автобиографические скетчи разошлись по всей стране, когда художники запечатлели ее дом во всех мыслимых видах, а фотографии запечатлели ее саму в виде крайне хмуром – такой она всегда становилась в минуты испытаний; когда множество групп учащихся частных школ вытоптали ее владения

³¹ Фамилия Баэр происходит от немецкого «bär», медведь.

в поисках трофеев, а многочисленные благоговеющие паломники стерли ступени ее лестницы своими исполненными уважением стопами, когда служанки затеяли увольняться через неделю, не выдержав испытания постоянными звонками в дверь, когда мужу пришлось охранять ее, пока она хоть чего-то поест, а мальчикам – прикрывать ее бегство через окно, выходящее во двор, в тех случаях, когда предприимчивые визитеры являлись без предупреждения в самый неподходящий момент.

Очерк одного дня поможет оценить положение вещей, оправдать поступки этой злополучной женщины, а также наставить на путь истинный охотника за автографами, который и сейчас рыщет по стране; история эта – правдива.

– Нужно принять закон, который защищал бы несчастных авторов, – объявила миссис Джо однажды утром, вскоре после приезда Эмиля, когда почтальон доставил необычайно объемистый мешок разнообразных писем. – Для меня это куда более животрепещущая тема, чем международное авторское право, ибо время – деньги, покой – здоровье, а я и то и другое теряю безвозвратно, а вместе с ними – и уважение к себе подобным; его замещает неукротимое желание сбежать в дикие края, ибо даже в свободной Америке запереть свою дверь невозможно.

– Охотники на львов впадают в неистовство, когда ищут добычу. Полезно бы им было ненадолго поменаться со львом местами – они поняли бы, какими делаются докучными, когда «оказывают честь наведаться лично, дабы выразить свое восхищение вашими очаровательными произведениями», – процитировал Тед, поклонившись родительнице, которая хмуро разглядывала двенадцать просьб дать автограф.

– Одно я для себя постановила твердо, – решительным голосом объявила миссис Джо, – на письма такого рода я больше не отвечаю. Этому мальчишке я уже послала шесть штук, – возможно, он ими торгует. Эта барышня учится в Институте благородных девиц, и, если я дам ей автограф, мне немедленно напишут и все остальные ученицы. Все начинают с того, что сожалеют о своей навязчивости – мне наверняка много докучают подобными просьбами – и все же решились попросить, потому что я люблю мальчиков, или они любят книги, или только эту. Эмерсон и Уиттьер³² бросают такие послания в мусорную корзину, и хотя я всего лишь нянька от литературы, которая поставляет юношеству нравственную кашку, я последую их достопочтенному примеру; у меня не останется времени на еду и сон, если я попытаюсь обласкать всех этих милых и неразумных дитятей.

И миссис Джо, облегченно вздохнув, смела со стола всю кучу.

– Остальные я вскрою сам, а ты пока спокойно позавтракаешь, lieber Mutter³³, – заявил Роб, часто бравший на себя обязанности личного секретаря. – Вот, это с Юга.

Сломав умопомрачительную печать, он прочитал:

Мадам, поскольку Небесам угодно было послать вам за ваши заслуги солидное состояние, я без малейших угрызений совести обращаюсь к вам с просьбой предоставить нашей церкви средства для покупки нового потира³⁴. Вне зависимости от того, к какой именно церковной общине вы принадлежите, вы, безусловно, немедленно откликнетесь на подобную просьбу.

*С искренним уважением,
Миссис Э. Ю. Ятут.*

³² Имеются в виду известные американские литераторы, современники Л. М. Олкотт: писатель Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882) и поэт Джон Гринлиф Уиттьер (1807–1892).

³³ Милая мамочка (нем.).

³⁴ Потир – чаша для причастия, обычно изготавливается из дорогих металлов, с богатым украшением.

– Пошли ей вежливый отказ, милый. Все, что у меня есть на раздачу, уходит на одежду и пропитание бедняков у самого моего порога. Так я благодарю Всевышнего за свой успех. Продолжай, – отвечала его мать, обводя полным благодарности взглядом свой счастливый дом.

– Юный литератор восемнадцати лет предлагает тебе поставить свое имя на обложку его романа, а после первого издания твое имя будет снято и заменено на его. Весьма завлекательное предложение. Уверен, что ты не согласишься, при всей своей снисходительности к большинству молодых бумагомазак.

– Не пройдет номер. Сообщи ему об этом в удобной форме – и пусть не присылает мне рукопись. У меня и так скопилось уже семь, а мне и собственные-то читать некогда, – заметила миссис Джо, задумчиво выуживая из стопки маленькое письмецо и аккуратно его вскрывая, – поехавшие вниз буквы в адресе сообщили ей, что оно написано рукой ребенка.

– На это я сама отвечу. Девочка болеет, хочет книжку, и она ее получит, но я не смогу написать продолжение всех остальных, дабы ее порадовать. Я никогда не закончу ни одного сюжета, если пойду на поводу у этих прожорливых Оливеров Твистов³⁵, которым то и дело подавай новые истории. Что там дальше, Робин?

– Вот это – короткое и милое:

Дорогая миссис Баэр, я сейчас выскажу свое мнение о ваших книгах. Я перечитывал их неоднократно, по-моему, совершенно первоклассные. Пишите дальше.

Ваш поклонник

Билли Бэбкок.

– Вот такие письма мне нравятся. Билли – человек трезвомыслящий и критик, к которому есть доверие, ведь он перечитал тексты по несколько раз и только потом высказал свое мнение. Ответа он не просит, передай ему мою благодарность и наилучшие пожелания.

– Это от дамы-англичанки, матери семерых дочерей, ее интересуют твои взгляды на образование. На какое поприще им предпочтительнее вступить – старшей сейчас двенадцать лет. Понимаю ее обеспокоенность, – рассмеялся Роб.

– Попытаюсь ответить. Но поскольку у меня нет дочерей, мнение мое немного стоит и, скорее всего, обескуражит ее: я скажу, чтобы она не мешала им бегать и играть, пусть обзаведутся крепкими здоровыми телами, а уж потом рассуждают о поприщах. Они и сами быстро поймут, чего хотят, если она оставит их в покое и не станет всех подгонять под одну мерку.

– А этот юноша желает знать, на какой барышне ему предпочтительнее жениться и есть ли среди твоих знакомых девушки, похожие на твоих героинь.

– Дай ему адрес Нан – поглядим, что получится, – предложил Тед, втайне решивший сделать это сам, если выйдет.

– А это от дамы, которая хочет, чтобы ты взяла под опеку ее дочь и ссудила ей денег на изучение живописи за границей в течение нескольких лет. Соглашайся, маменька, у тебя получится.

– Нет, спасибо, пусть каждый занимается своим делом. А это что за кляксы? Ужас какой-то – смотри, какие чернила, – заметила миссис Джо, которая развеивала докуку этого ежедневного занятия попытками определить снаружи, что находится внутри каждого конверта. В данном случае там оказалось стихотворение, созданное обезумевшим поклонником – если судить по несвязному стилю.

³⁵ *Оливер Твист* – персонаж романа Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста» (1839). Под «прожорливостью» миссис Джо, видимо, имеет в виду то, что маленький Оливер, живущий в работном доме, постоянно мучается от голода и однажды решается попросить добавки. Это и есть завязка сюжета.

К Д. М. Б.

*О, будь я гелиотропом,
Я бы притворился поэтом
И веял своим ароматом
На тебя, не признавшись в этом.*

*Ты подобна высокому вязу,
Озаренному лучами Феба,
Твои ланиты – как дно океана,
Где алеет роза, упавшая с неба.*

*Твои слова красотою полны,
Мудрость великая их озаряет,
А когда твой дух устремляется ввысь,
Он цветком в небесах расцветает.*

*На устах моих слова восторга горят,
И, молчанием вдохновенным объят,
Я в лесной глуши и в суете городской
Взываю к тебе искрометной строкой.*

*Посмотри на лилии, как они растут,
Ни трудов, ни забот не зная совсем.
Самоцветы, цветы, Соломона печать.
Герань мира – Баэр Д. М.*

Джеймс.

Пока мальчики вопили от восторга – совершенно искреннего, – мать их успела ознакомиться с несколькими посланиями из только что образовавшихся журналов: ей предлагалось отредактировать их совершенно безвозмездно; было длинное письмо от безутешной барышни: ее любимый герой умер, и «могла бы миссис Баэр, пожалуйста, переписать эту историю и приделать к ней хороший конец?»; еще одно – от возмущенного юнца, которому отказали в автографе: он мрачно предрекал писательнице финансовый крах и потерю популярности, если она не снабдит его и всех желающих автографами, фотографиями и автобиографическими скетчами; еще – от священника, желавшего знать, к какой она церкви принадлежит, и еще одно – от терзаемой сомнениями девицы, которая требовала совета, за кого из двух поклонников выйти замуж. Этих примеров достаточно, чтобы продемонстрировать, на что занятой женщине предлагалось расходовать свое время, и вызвать у читателей снисходительность к миссис Джо, которая не устаивала каждое послание подробным ответом.

– С этим покончено. Теперь вытру пыль, а потом сяду за работу. Я отстала от графика, а серийные романы не ждут, так что говорите всем, что меня нет, Мэри. Пусть явится хоть сама королева Виктория, я сегодня и ее не приму.

И миссис Баэр швырнула салфетку на стол, будто бы бросив вызов всему мирозданию.

– Надеюсь, душа моя, день у тебя будет плодотворный, – отозвался ее супруг, разбиравший собственную внушительную почту. – Я обедаю в колледже с профессором Плоком – он прибыл с визитом; юноши могут отобедать на Парнасе, чтобы тебя никто не отвлекал.

Стерев с ее лба морщины и озабоченность прощальным поцелуем, сей великолепный муж удалился – карманы набиты книгами, в одной руке – зонт, в другой – мешок камней для занятия по геологии.

– Если бы у всех дам-писательниц были столь заботливые ангелы-мужья, они бы жили дольше и больше писали. Впрочем, вряд ли мир сделался бы от этого лучше – мы, в большинстве своем, и так слишком много пишем, – заметила миссис Джо, помахав мужу метелочкой для вытирания пыли; тот в ответ взметнул зонтик и зашагал дальше.

Роб тоже отправился на занятия, причем со своими книгами, сумкой, широкими плечами и твердым взглядом он был так похож на отца, что мать его рассмеялась, проводив его взглядом, и от всей души произнесла:

– Благослови Господи обоих моих профессоров – нет на земле и не было лучших созданий!

Эмиль уже уехал обратно в город, дабы вернуться на борт своего судна, Тед же еще болтался в комнате, чтобы стащить вожделенный адрес, – он опустошал сахарницу и болтал с «мамочкой»: они прекрасно ладили. Миссис Джо всегда сама наводила порядок у себя в гостиной, ставила свежие цветы в вазы, прихорашивала тут и там – в итоге комната весь день оставалась прохладной и опрятной. Подойдя к окну, чтобы опустить штору, она увидела на лужайке художника, испустила стон и быстренько переместилась к заднему окну, чтобы отряхнуть метелку. В тот же миг зазвонил колокольчик, а на дороге заскрипели колеса.

– Я пошел, Мэри их уже впускает. – Тед пригладил волосы и поспешил в прихожую.

– Я никого не принимаю, сделай так, чтобы я успела удрать наверх, – прошептала миссис Джо, готовясь к побегу.

Скрыться ей не удалось – в дверях появился мужчина с карточкой в руке. Тед с суровым видом шагнул ему навстречу, а мама его метнулась за занавеску, чтобы выгадать время.

– Я пишу серию статей для субботнего «Татлера» и первым делом решил заехать к миссис Баэр, – начал новоприбывший в просительном тоне, обыкновенном для представителей его племени, а быстрые глаза так и стреляли по сторонам, ибо опыт научил его: не упускай ни секунды, визиты редко оказываются продолжительными.

– Миссис Баэр не встречается с репортерами, сэр.

– Я займу лишь несколько секунд, – объявил посетитель, продвигаясь чуть дальше.

– Не выйдет, ее нет дома, – ответил Тедди: взгляд через плечо поведал, что несчастная его родительница испарилась – как он предположил, через окно: ей случалось так поступать в экстренных случаях.

– Как жаль. Я зайду в другой раз. Это ее кабинет? Очаровательная комната! – И незваный гость ринулся вперед, в надежде увидеть что-то примечательное и прикарманить этот факт, пусть даже и пожертвовав жизнью в процессе.

– Нет, – огорчил его Тедди, мягко, но решительно выпроводив обратно в прихожую и от всей души надеясь, что мама уже скрылась за углом дома.

– Я буду вам крайне признателен, если вы сообщите мне возраст миссис Баэр, место рождения, дату вступления в брак и число детей, – не сдавался посетитель, спотыкаясь о коврик у двери.

– Ей около шестидесяти, родилась в Новой Зембле³⁶, вступила в брак ровно сорок лет назад, у нее одиннадцать дочерей. Я могу вам еще чем-то помочь, сэр? – Серьезное лицо Тедди составляло такой уморительный контраст с его нелепым ответом, что репортер позволил вывести себя за дверь и удалился, смеясь, – а по ступеням как раз поднималась дама в сопровождении трех сияющих девочек.

³⁶ *Новой Земблой* в Америке называли очень далекую или даже не существующую страну; на самом деле, разумеется, речь идет о Новой Земле, архипелаге в Арктике.

– Мы с самого Ошкоша³⁷ приехали и с месту не двинемся, пока не повидаем милочку тетю Джо. Дочурки мои обожают ее книги и прям извелись все – так мечтают глянуть на нее хотя бы одним глазком. Знаю, час еще ранний, но мы еще думаем заехать к Холмсу и Лонгфеллу³⁸ и другим всяким знаменитостям, вот и решили начать с вас. Доложите – миссис Эрастус Кингсбери Пармали из Ошкоша. Можем и подождать – глянем покуда, чего тут и как, ежели она еще не одемшись.

Все это она выпалила с такой скоростью, что Теду только и оставалось, что стоять и таращиться на пышнотелых юных дам, устремивших на него шесть голубых глаз столь искательно, что он, по природной галантности, не смог отказать им, как минимум, в любезном ответе.

– Миссис Баэр сегодня не принимает – да и вовсе ушла, насколько мне известно; но, если хотите, можете походить по дому и по саду, – пробормотал он, пятясь, ибо вся четверка решительно наступала, бросая вокруг восторженные взгляды.

– Ах, большое спасибо! Какое миленькое, чудненькое местечко! А тут она пишет книжки, да? Ах, неужели это ее портрет? Я ее именно такой себе и воображала!

Под эти восклицания дамы остановились возле гравюры, изображавшей достопочтенную миссис Нортон³⁹ с пером в руке и отменным хладнокровием на лице, в диадеме и жемчугах вокруг шеи.

Сделав над собой усилие, чтобы не фыркнуть от смеха, Тедди указал на очень скверный портрет миссис Джо, висевший за дверью, – он страшно ее забавлял своей безнадёжностью, от которой не спасали даже занятный световой эффект на кончике носа и щеки того же ярко-красного цвета, что и стул, на котором она сидела.

– Это писали с моей матери, правда, получилось не слишком удачно, – объявил Тед и с наслаждением следил, как девицы стараются скрыть, сколь сильно ошарашило их печальное несходство между идеалом и реальностью. Младшая, двенадцати лет от роду, сдалась и отвернулась от портрета – она испытывала те самые чувства, которые испытывают многие из нас, обнаружив, что идолы наши – самые обыкновенные мужчины и женщины.

– А я думала, что ей лет этак шестнадцать и волосы у нее заплетены в две косы. А теперь мне больше не хочется ее видеть, – объявил честный ребенок и направился к дверям в прихожую, оставив матушку приносить извинения, а сестер – уверять, что никудышный портрет «такой прелестный, вдохновенный и поэтический, особенно, знаете ли, там, где лоб».

– Девочки, нам пора, а то мы ничего не успеем. Оставьте свои альбомы – миссис Баэр вам их пришлет, когда напишет там какую умную мысль. Премного вам благодарны. Передайте мамочке, что мы ее просто обожаем и очень жалеем, что не повидались.

Миссис Эрастус Кингсбери Пармали как раз закончила эту фразу, и тут взгляд ее упал на женщину средних лет в просторном клетчатом переднике и с платком на голове – она деловито вытирала пыль в дальней комнате, сильно напоминавшей кабинет.

– Так уж мы одним глазком глянем на ее святилище, раз ее самой нет! – вскричала деятельная дама и, сопровождаемая своим семейством, зашагала по коридору – Тедди не успел предупредить маму, отход которой заблокировали художник перед домом, репортер за ним (он никуда не ушел) и дамы в прихожей.

«Попалась! – с комическим ужасом подумал Тедди. – Они же видели портрет, прикидываться служанкой поздно».

Миссис Джо, надо сказать, расстаралась, а поскольку актерского таланта ей было не занимать, сбежала бы, не выдай ее этот несчастный портрет. Миссис Пармали остановилась у пись-

³⁷ В Америке два города с названием Ошкош: в двух северных штатах, Висконсине и Миннесоте. Название происходит от слова «коготь» на языке индейцев оджибве. Для жителей Пламфилда оба города – страшная и далекая глушь.

³⁸ Следующими от миссис Пармали предстоит пострадать Оливеру Уэнделлу Холмсу (1809–1894), известному американскому писателю (а также врачу) и знаменитому поэту Генри Уодсворту Лонгфелло (1807–1882).

³⁹ *Каролина Нортон* (1808–1877) – защитница прав женщин, писательница, хозяйка литературного салона.

менного стола и, не обращая внимания на лежавшую там пенковую курительную трубку, стоявшие рядом мужские домашние туфли и стопку писем, адресованных «Профессору Ф. Баэру», всплеснула руками и восторженно вскричала:

– Девочки, вот здесь она и пишет эти дивные высоконравственные штучки, которые так забирают нас за душу! Позвольте ли... ах, позвольте вы мне взять отсюда листок бумаги, старое перо или почтовую марочку – на память об этом талантище?

– Да сколько вздумается, – отозвалась «служанка» и отошла, бросив быстрый взгляд на юношу, глаза которого так и блеснули от озорства, которое уже было не скрыть.

Старшая барышня все это заметила, догадалась, что к чему, а быстрый взгляд на даму в переднике подтвердил ее подозрения. Дотронувшись до материнского локтя, она прошептала:

– Ма, это и есть миссис Баэр. Я знаю наверное.

– Да ну? Ну да! А ведь и верно! Ах, как же нам повезло!

И миссис Пармали устремилась в погоню за поспешившей к двери несчастной хозяйкой дома, пылко восклицая:

– Не обращайтесь на нас внимания! Я знаю, какая вы занятая, – позвольте только поддержать вас за ручку, и мы сразу уйдем!

Поняв, что все пропало, миссис Джо повернулась и покорно протянула им свою руку, а потом терпела, пока ее от всего сердца трясли; матрона же произнесла с несколько даже угрожающим гостеприимством:

– Будете у нас в Ошкоше – вам и на землю-то не дадут ступить; наши вас прямо на руках будут носить, мы будем ужас как счастливы вас видеть!

Приняв в уме твердое решение никогда не посещать этот не в меру приветливый городок, Джо ответила со всей доступной ей сердечностью; написав свое имя в альбомах, сделав каждой посетительнице по памяtnому подарку и со всеми расцеловавшись, она наконец проводила их до дверей, и они отправились к «Лонгфеллу, Холмсу и всяким разным» – оставалось надеяться, что тех не окажется дома.

– Злодей, ты почему не дал мне ускользнуть? И боже мой, чего ты наговорил этому репортеру? Надеюсь, нам простятся наши грехи по этой части, но, с другой стороны, если не прятаться, мы просто не выживем. Это же нечестно – столько против одной.

Миссис Джо повесила передник в шкаф в прихожей и испустила громкий стон, жалуясь на судьбу.

– Там еще кто-то идет по дорожке! Спасайся, пока не поздно! Я их задержу! – воскликнул Тедди, оглянувшись с лестницы через плечо – он собирался уйти на занятия.

Миссис Джо помчалась наверх и, заперев дверь, хладнокровно взирала на учениц частной женской школы, расположившихся на лужайке; когда их отказались впустить в дом, они безмятежно принялись собирать цветы, украшать ими волосы, перекусывать и без стеснения высказывать, что они думают о доме и его обитателях; прошло немало времени, прежде чем они отбыли.

Воспоследовали несколько часов покоя, и миссис Джо как раз собиралась засесть за долгие дневные труды, когда явился Роб и объявил, что в колледж прибыла делегация Союза молодых христиан⁴⁰, в ее составе есть двое-трое ее знакомых и они хотят зайти поздороваться.

– Сейчас дождь пойдет, так что готов поспорить, они не появятся, но папа сказал – ты, наверное, захочешь подготовиться на случай, если они все-таки сюда доберутся. Ты ведь мальчикам никогда не отказываешь, хотя с бедными девочками ведешь себя бессердечно, – заметил Роб, которому брат уже успел поведать об утранных посетителях.

⁴⁰ *Союз молодых христиан* – существующая и поныне молодежная организация, цель которой – «укрепление нравственного и физического здоровья». Одно из важных направлений деятельности – организация детских летних лагерей.

– Мальчики не изливают восторгов, так что их можно потерпеть. В последний раз, когда япустила группу девочек, одна из них упала мне в объятия с криком: «Ненаглядная, ах, как я вас обожаю!» Очень хотелось ее стряхнуть, – ответила миссис Джо, энергично вытирая перо.

– Ну, мальчики этого точно делать не станут, но попросят автографы, так что лучше подготовь несколько дюжин заранее, – посоветовал Роб, доставая пачку листков для записок: он был юношей гостеприимным и чувствовал душевное расположение к поклонникам своей матери.

– Девочек им все равно не превзойти. Помнится, во время визита в колледж Икс я написала свое имя раз триста: после моего отъезда на столе осталась целая гора открыток и альбомов. Не было еще на белом свете столь же абсурдной и докучной мании.

Тем не менее миссис Джо раз десять вывела свое имя, надела черное шелковое платье и внутренне смирилась с предстоящим визитом; после этого она вернулась к работе, не переставая, впрочем, уповать, что пойдет дождь.

Хлынул ливень, и, уверовав в собственную безопасность, она взъерошила волосы, сняла манжеты и спешно заканчивала главу; цель ее состояла в том, чтобы писать по тридцать страниц в день, вот она и старалась успеть до наступления вечера. Джози принесла цветов, чтобы поставить в вазы, и как раз заканчивала прихорашивать букеты, когда на склоне холма замаячило несколько зонтов.

– Идут, тетушка! Вижу дядю – он бежит через поле, чтобы их встретить! – крикнула она от подножия лестницы.

– Не спускай с них глаз, дай знать, когда доберутся до подъездной дорожки. Я за минуту приведу себя в порядок и спущусь вниз, – откликнулась миссис Джо, отчаянно орудуя пером, поскольку серийные романы никого не ждут, даже Христианский союз в полном составе.

– Их там не два-три. Я полдесятка насчитала, – крикнула от дверей прихожей Джози. – Ах нет! Скорее, целый десяток. Тетушка, берегись! Они все пришли! Что будем делать?

Джо так и съежилась при мысли, что на нее стремительно надвигается эта черная туча.

– Помогай нам Боже, их там сотни! Сбегай поставь таз у дверей черного хода – пусть туда стекает вода с их зонтов. Скажи, пусть оставят их и проходят в прихожую, а шляпы сложат на столе: на вешалку все не поместятся. Стелить коврики у дверей поздно – бедные мои ковры!

Миссис Джо помчалась вниз, чтобы приготовиться к вторжению, а Джози со служанками металась по дому в ужасе от мысли о нашествии такого множества грязных сапог.

И вот они появились: длинная череда зонтов, мокрых ног и раздуряившихся лиц; дело в том, что джентльмены отлично провели время в городе, где дождь им был не помехой. Профессор Баэр встретил их у входа и сейчас произносил краткую приветственную речь, а миссис Джо, тронутая их раздрыганным видом, подошла к дверям и жестами приглашала их войти. Оставив хозяина дома разглагольствовать под дождем с непокрытой головой, юноши поспешно поднялись на крыльцо, довольные, разогревшиеся и целеустремленные; они прижимали к груди шляпы и сражались с зонтами, ибо был получен приказ занять позицию и сложить оружие.

Топ-топ-топ – семьдесят пять пар сапог пересекли прихожую; вскоре вода с семидесяти пяти зонтов уже невозбранно стекала в гостеприимный таз, владельцы зонтов сгрудились на первом этаже дома, хозяйка безропотно пожала семьдесят пять крепких рук, хотя некоторые оказались мокрыми, другие – очень горячими и почти на всех присутствовали следы длинного дня. Один герой, здороваясь, продемонстрировал ей черепашку, у другого оказалась с собой целая кучка палочек из разных исторических мест – и все мечтали получить что-нибудь на память о Пламфилде. На столе таинственным образом появилась стопка карточек, на которых были написаны просьбы дать автограф, и, забыв свои утренние зарок, миссис Джо подписала их все, пока муж ее показывал мальчикам дом.

Джози сбежала в дальнюю гостиную, но гости, рыскавшие по дому, обнаружили ее, и один из них нанес ей смертельное оскорбление, поинтересовавшись в своей невинности, она

ли миссис Баэр. Визит длился недолго и кончился лучше, чем начался: дождь перестал, на небе воздвиглась великолепная радуга, славные мальчики выстроились на лужайке и на прощание дружно запели. Жизнерадостная дуга взметнулась над юными головами, будто само Небо радовалось их союзу, и продемонстрировала, что над мокрой землей и пасмурными небесами все еще сияет благословенное солнце. Троекратное «ура» – и посетители удалились, оставив хозяевам на память добрые воспоминания о своем визите: хозяева принялись лопатками отскребать грязь с ковров, а таз оказался полон воды до половины.

– Славные, честные, работающие юноши, мне совсем не жалко для них полчаса времени; но я обязательно должна закончить, так что пусть до чая никто меня не беспокоит, – распорядилась миссис Джо, отправив Мэри запереть входную дверь; папа Баэр и сыновья ушли вместе с посетителями, а Джози побежала домой – рассказать маме, как весело было у тети Джо.

На полчаса воцарился покой, а потом звякнул колокольчик, и к Джо поднялась, хихикая, Мэри. Она объявила:

– Там леди какая-то чудаковатая, спрашивает, можно ли поймать кузнечика в саду.

– Чего? – воскликнула миссис Джо, выронив перо и посадив кляксу; много она слышала странных просьб, но не настолько.

– Кузнечика, мэм. Я сказала, что вы заняты, и спросила, чего она хочет, а она мне: «У меня уже есть кузнечики из садов многих знаменитых людей, вот хочу в Пламфилде изловить тоже». Ну и ну!

И Мэри снова хихикнула.

– Да милости просим, скажи, пусть хоть всех переловит. Я бы с удовольствием от них избавилась – вечно прыгают на лицо и залезают под платье, – рассмеялась миссис Джо.

Мэри вышла, но почти сразу же вернулась – от смеха она едва могла говорить.

– Она крайне вам признательна, мэм, а еще просит старое платье или пару чулок: вставит в коврик, который плетет. Говорит, у нее есть уже жилетка Эмерсона, брюки мистера Холмса и платье миссис Стоу⁴¹. Ну явно с головой не в ладах!

– Отдай ей старую красную шаль, буду я блистать среди великих на этом удивительном коврике. Да, все эти охотники на львов одинаково помешанные; но эта, похоже, хоть и бесноватая, но безвредная: времени у меня не отнимает, только смешит, – заявила миссис Джо и вернулась к работе, глянув перед тем в окно – там высокая тощая дама в темно-ржавом платье скакала по лужайке, преследуя проворное насекомое.

Больше миссис Джо не прерывали до самых сумерек, а потом Мэри всунула голову в дверь и доложила, что некий джентльмен желает видеть миссис Баэр и напрочь отказывается уходить.

– Его беда. Я не собираюсь спускаться. День был ужасный, больше я себя отвлекать не позволю, – отвечала умученная писательница, сделав паузу посередине драматического финала главы.

– Я ему сказала, мэм, а он хоть бы что – взял и вошел. Видимо, и этот тоже не в своем уме, напугал меня до полусмерти – здоровущий такой, черный, с виду непрошибаемый, хотя собой, должна сказать, очень ничего, – добавила Мэри, шмыгнув носом, – судя по всему, незнакомец, несмотря на свою дерзость, успел завоевать ее симпатии.

– Мне сегодня весь день испортили, и за последние полчаса я должна все закончить. Спроводи его отсюда, я спускаться не намерена, – свирепо постановила миссис Джо.

Мэри удалилась; ее хозяйка помимо собственной воли напрягала слух и услышала сперва гул голосов, а потом вскрик Мэри; памятуя, что замашки у репортеров бывают всякие, а служанка ее одновременно миловидна и робка, миссис Баэр отбросила перо и кинулась на

⁴¹ *Миссис Стоу* – американская писательница Гарриет Элизабет Бичер-Стоу (1811–1896), защитница прав негров, известная прежде всего благодаря роману «Хижина дяди Тома».

выручку. Спустившись вниз с самым что ни на есть величественным видом, она остановилась, дабы осмотреть лихого на вид незваного гостя, который пытался взять приступом лестницу, где Мэри заняла стойкую оборону, и осведомилась властно:

– Кто смеет оставаться в этих стенах, пусть я и отказалась его видеть?

– Вот уж не могу знать, мэм. Имени он не сказал, только твердит, что вы расстроитесь, ежели его не увидите, – отвечала Мэри, покидая свой пост, покрасневшая и негодующая.

– А разве не расстроитесь? – осведомился незнакомец, поднимая черные смеющиеся глаза – сквозь длинную бороду блеснули белые зубы, и, широко раскинув руки, он двинулся навстречу разгневанной хозяйке дома.

Миссис Джо вгляделась, ибо голос показался ей знакомым; а потом, окончательно ошарашив Мэри, крепко обняла незваного гостя обеими руками и радостно воскликнула:

– Мальчик мой милый, ты откуда?

– Из Калифорнии, специально, чтобы с вами повидаться, матушка Баэр. Или вы не расстроитесь, если я возьму и уйду? – осведомился Дан, наградив ее сердечным поцелуем.

– Только подумать, что я едва не выставила тебя за дверь, хотя год уже только и мечтала о встрече! – рассмеялась миссис Джо, спускаясь вниз, чтобы вволю наговориться с милым своим скитальцем – того, похоже, шутка эта сильно позабавила.

Глава четвертая. Дан

У миссис Джо часто возникали подозрения, что в жилах Дана есть частичка индейской крови – не только потому, что он любил вольную бродячую жизнь, но и исходя из его внешности; чем старше он становился, тем отчетливее это проявлялось. К двадцати пяти годам он стал очень рослым, с жилистыми конечностями; смуглое любознательное лицо и острый взгляд говорили о неиссякаемом интересе к окружающему миру; грубоватый, энергичный, Дан был скор и на слова, и на расправу, в глазах его горел прежний огонь, и казалось, что он постоянно настороже, а еще в нем чувствовались свежесть и напор, которые очень импонировали тем, кто знал, сколько радостей и опасностей таит в себе его полная приключений жизнь. Вот такой вот полный жизненных сил человек уселся побеседовать с «матушкой Баэр», вложив сильную смуглую ладонь в ее; голосом, исполненным приязни, он произнес:

– Забыть старых друзей? Как я могу забыть единственный дом, который считаю родным? Я так спешил сюда, так сильно уповал на удачу! Даже не задержался, чтобы привести себя в порядок, хотя и боялся огорчить вас тем, что сильнее обычного похож на дикого буйвола.

Он качнул косматой копной черных волос, дернул себя за бороду и рассмеялся – да так, что комната содрогнулась.

– Мне это по душе; мне всегда нравились разбойники с большой дороги, а ты на них очень похож. Мэри – она у нас новенькая – испугалась твоего вида и повадки. Джози тебя бы не признала, зато Тед ни с кем не спутает своего Данни, несмотря на длинную бороду и львиную гриву. Они сейчас придут с тобой поздороваться, но до их появления расскажи мне немного о себе. Дан, душа моя! Ты два года у нас не показывался! У тебя все хорошо? – спрашивала миссис Джо, с материнским вниманием выслушивая его отчет о жизни в Калифорнии и о том, что его небольшие вложения принесли неожиданно щедрые плоды.

– Первостатейные! Впрочем, вы же знаете, что деньги меня не интересуют. Мне нужно ровно столько, чтобы хватало на жизнь, – проще зарабатывать по ходу дела, чем возиться с лишними. Но приятно, когда на тебя столько просыпалось, а потом можно раздавать. Откладывать смысла нет, до старости, когда они понадобятся, я не доживу – люди моего типа никогда не доживают, – поведал Дан с таким видом, будто его новообретенное богатство было ему в тягость.

– Но если ты женишься и заведешь собственный дом – а я очень на это надеюсь, – тебе понадобится стартовый капитал, сынок. Прояви предусмотрительность, вложи эти деньги в надежное дело; все раздавать не надо, у каждого случаются скудные времена, а тебе тяжело будет зависеть от других, – с мудрым видом наставляла его миссис Джо, очень довольная тем, что лихорадка стяжательства обошла стороной ее удачливого мальчика.

Дан качнул головой и окинул взглядом комнату, – похоже, ему уже делалось тесно в четырех стенах и он рвался обратно на волю.

– Да кто пойдет замуж за такого перекаати-поле? Женщинам нравятся домоседы, а уж я точно не из их числа.

– Милый мой, когда я была молода, мне очень нравились любители приключений вроде тебя. Нас, женщин, всегда манят новизна и дерзость, воля и романтика. Не теряй надежды; рано или поздно ты бросишь якорь и станешь довольствоваться короткими странствиями ради того, чтобы привезти домой груз поценнее.

– А что вы скажете, если я появлюсь тут у вас с индейской скво?⁴² – поинтересовался Дан, и в его взгляде, обращенном к дивному бюсту Галатеи, белевшему в уголке, блеснул озорной огонек.

⁴² Индейским словом «скво» в американском английском называют женщину.

– Сердечно ее поприветствую, если она окажется достойной женщиной. А что, есть такая вероятность? – И миссис Джо вгляделась в него с любопытством, свойственным всем пишущим дамам, если речь заходит о сердечных делах.

– Пока, слава богу, ни малейшей. Слишком я занят, чтобы еще и «волочиться», как это называет Тед. Как, кстати, наш парнишка? – спросил Дан, ловко сменив тему разговора, ибо сантиментов ему уже хватило.

Миссис Джо пустилась с места в карьер расписывать таланты и добродетели своих сыновей и не умолкала до того самого момента, когда они ворвались в комнату и навалились на Дана двумя любвеобильными молодыми медведями – выход своей радости они нашли в дружеской потасовке; следопыт, разумеется, очень быстро подмял их обоих под себя. Следом явился профессор, и языки заработали, точно мельничные жернова. Мэри же тем временем зажгла свет, а кухарка состряпала необычайно вкусный ужин, чутьем угадав, что в доме нынче желанный гость.

После чая Дан, меряя комнаты размашистыми шагами, продолжал говорить; время от времени он выбирался в прихожую вдохнуть свежего воздуха, – похоже, его легким требовалось его больше, чем людям, живущим в мире цивилизации. По ходу одной из таких экскурсий он увидел в темном дверном проеме белую фигуру и замер, вглядываясь. Замерла и Бесс, не признав старого приятеля и совершенно не сознавая, как прелестно выглядит ее высокая, стройная фигурка на фоне мягкого летнего заката – над головою нимб из золотистых волос, концы белой шали колышутся, точно крылья, под порывами прохладного ветра.

– Это ты, Дан? – спросила она, расцветая нежной улыбкой и протягивая ему руку.

– Вроде как он. А я тебя не признал, принцесса, принял за ангела, – отвечал Дан, глядя на нее сверху вниз с непривычной мягкостью и умилением.

– Я сильно выросла, да и ты за эти два года совершенно переменялся. – Бесс с удовольствием, понятным в молодой девушке, оглядела его живописную фигуру – она сильно отличалась от привычных ей хорошо одетых людей.

Больше она ничего не успела добавить – вбежала Джози и, напрочь позабыв, что она уже большая и должна держаться с достоинством, позволила Дану подхватить себя и поцеловать, как ребенка. Только поставив ее обратно на пол, он обнаружил, что и она тоже переменялась, и воскликнул с комическим сокрушением:

– Ого! Да и ты тоже, смотрю, выросла! Что мне теперь делать – малышей не осталось, играть не с кем! Вон, Тед тянется вверх, как бобовый стебель, Бесс – настоящая юная леди, и даже ты, мое горчичное семечко, ходишь в длинных юбках и напускаешь на себя важность!

Девушки рассмеялись, а Джози зарделась, глядя на рослого гостя, понимая, что поступила несколько опрометчиво. Две юные кузины составляли дивный контраст: одна – прекрасна, как лилия, другая – больше похожа на дикую розу. Оглядев их с ног до головы, Дан удовлетворенно кивнул – много он видел в своих странствиях красавиц и очень радовался тому, что давние его подружки так дивно расцвели.

– Эй! Никому не позволю монополизировать Дана! – крикнула миссис Джо. – Ведите его назад да не спускайте с него глаз, а то он снова сбежит от нас на годик-другой еще до того, как мы успеем на него насмотреться!

Дан, в сопровождении двух милых стражниц, вернулся в гостиную – по дороге Джози бранила его за то, что он опередил всех остальных мальчиков и первым превратился в мужчину.

– Эмиль тебя старше, но он все еще мальчишка, танцует джигу и горланит матросские песни, как и в старые времена. А тебе на вид лет тридцать, ты огромный и смуглый, будто злодей из пьесы. Ах, мне пришла в голову отличная мысль! Ты прекрасно подойдешь на роль

Арбака в «Последних днях Помпеи»⁴³. Мы хотим ее поставить, уже всё придумали – и льва, и гладиатора, и извержение. Том с Тедом будут сбрасывать на сцену пепел и катать бочки с камнями. На роль египтянина нам нужен смуглый мужчина, а тебе страшно пойдет красно-белая накидка. Правда ведь, тетя Джо?

Дан от этого словесного водопада зажал уши руками, а миссис Баэр так и не успела ответить своей самонадеянной племяннице, потому что явились Лоренсы и Мег с семейством, а за ними вскорости последовали Том и Нан – и все уселись слушать про приключения Дана; рассказывал он кратко, но эффектно, о чем свидетельствовали сменяющиеся выражения интереса, изумления, радости и предвкушения, возникавшие на окружающих его лицах. Мальчики как один возжелали немедленно отправиться в Калифорнию и разбогатеть; девочки с нетерпением ждали, когда Дан начнет раздавать симпатичные диковинки, которые собрал для них по ходу путешествий, а старшие от всей души радовались тому, каким деятельным стал бывший необузданный мальчишка и какое хорошее будущее ему уготовано.

– Уверен, что ты хочешь туда вернуться и снова попытать удачи; надеюсь, она не обманет. С другой стороны, спекуляции – игра опасная, можно лишиться того, что заработал, – заметил мистер Лори, которому эта захватывающая история пришлась по душе не меньше, чем мальчикам, – ему тоже захотелось вслед за Даном окунуться в мир приключений.

– С меня довольно, по крайней мере на некоторое время: слишком уж это ненадежно. Если мне что в этом и по душе, так это азарт, но от него много вреда. Хочу заняться скотоводством на Западе. Там сейчас настоящий бум, и мне кажется, что после стольких лет бродяжничества неплохо будет где-то осесть. Начну дело, а потом можете присылать мне для пополнения стад всех своих паршивых овец. Я уже разводил овец в Австралии и в паршивых кое-что понимаю.

Дан договорил, и дружный взрыв хохота согнал последнюю серьезность с его лица; те, кто знал его ближе, сразу сообразили, что Сан-Франциско преподал ему суровый урок, повторения которого он не жаждет.

– Отличная идея, Дан! – воскликнула миссис Джо, увидев большое будущее в его желании осесть на одном месте и помогать другим людям. – Мы всегда будем знать, где ты находишься, будем навещать в гости – для этого уже не понадобится пересекать полмира. Я пришлю к тебе с визитом своего Теда. Он у нас непоседа, так что ему это пойдет на пользу. Рядом с тобой он будет в безопасности, а заодно выпустит лишний пар и изучит полезное ремесло.

– Да я хоть за плуг, хоть за мотыгу, если туда попаду; и все же шахта Сперанца звучит куда занимательнее, – объявил Тед, разглядывая образцы руды, которые Дан привез в подарок профессору.

– Ступай основывать новый город, а когда он будет готов к массовому притоку жителей, мы приедем и там обоснуемся. Тебе скоро понадобится газета, а заправлять собственной куда интереснее, чем пахать на других, как вот я сейчас, – заметил Деми, которому очень хотелось стать выдающимся журналистом.

– Мы даже можем открыть там новый колледж. Жители Запада крепки телом и жадны до знаний, а еще у них глаз – алмаз, они всегда выбирают лучшее, – добавил нестареющий мистер Марч, чьему пророческому взору предстало множество копий их собственного процветающего заведения, основанных на бескрайних просторах Запада.

– Продолжай, Дан. План разумный, мы тебя обязательно поддержим. Я и сам не прочь вложить немного денег в прерии и ковбоев, – заметил мистер Лори, всегда готовый протянуть

⁴³ Речь идет о пьесе по мотивам одноименного романа уже упоминавшегося английского писателя Эдварда Бульвер-Литтона (1803–1873), – кстати, автора вдохновила знаменитая картина К. И. Брюллова, которую он видел в Милане. Арбак – египетский жрец-убийца, главный злодей книги.

руку помощи подающим надежды юношам – как в форме ободряющих слов, так и в форме финансовой поддержки.

– Лишние деньги обременяют, а если вложить их в землю, они тебя к ней привяжут – по крайней мере, на какое-то время. Все же я бы хотел попытать счастья, но решил, прежде чем принимать решение, посоветоваться с вами. Сомневаюсь, что смогу этим заниматься много лет подряд, но если надоест, кто мне мешает все бросить, – произнес Дан, которого тронул и обрадовал искренний интерес, который друзья проявили к его планам.

– Я могу заранее сказать, что тебе не понравится. Если ты привык бродить по свету, единственная ферма наверняка покажется тесной и глупой, – заметила Джози – ей куда больше импонировала романтика бродячей жизни, от которой и ей перепали захватывающие истории и симпатичные безделушки.

– А искусство у вас там есть? – поинтересовалась Бесс, думая о том, какой дивный черно-белый набросок можно сделать с Дана, пока он стоит вот так, разговаривая, повернувшись в три четверти к свету.

– Там природы хоть отбавляй, душенька, а это еще и лучше. В качестве моделей имеются изумительные животные, а для пейзажей – виды, каких не найдешь в Европе. Даже прозаические тыквы там и то великолепны. Можно будет взять такую тыкву в качестве реквизита для «Золушки», Джози, – когда ты откроешь в Дансвиле собственный театр, – заявил мистер Лори, которому очень хотелось, чтобы никто не вылил ушат холодной воды на эти дерзкие планы.

Джози с ее сценическими устремлениями тут же заразилась этой идеей и, когда ей пообещали все трагические роли на пока не построенной сцене, начала проявлять горячий интерес к новому проекту и умолять Дана, чтобы он без промедления начал его осуществлять. Бесс, в свою очередь, призналась, что ей крайне полезно будет писать с натуры, а дикие пейзажи усовершенствуют ее вкус, который может стать слишком изнеженным здесь, среди изысканности и тонченности.

– Я готова отвечать в новом городе за медицину, – заявила Нан, большая любительница смелых начинаний. – Когда ты его создашь, я как раз закончу учебу: в тех краях городá растут очень быстро.

– Дан не допустит в свой город ни одной женщины моложе сорока. Он их не жалует, особенно молодых и хорошеньких, – вставил Том, изнывавший от ревности, ибо в глазах Дана прочел глубокое восхищение перед Нан.

– На меня это не распространяется, врачи – исключения из правил. Болеть в Дансвиле будут редко, ведь его жители станут вести здоровый и активный образ жизни, тем более что поедут туда люди молодые и энергичные. А вот травмы будут обычным делом – еще бы, дикий скот, скачки верхом, стычки с индейцами, все опасности Дикого Запада. Мне это как раз по душе. Мне бы побольше сломанных костей – хирургия очень интересная область, а тут ее и применять-то негде, – ответила Нан, которой не терпелось поскорее взяться за дело.

– Тебя я возьму, доктор, буду только рад столь толковому образчику того, чего способны достичь на Востоке. Продолжай учиться, и я пришлю за тобой, как только там появится первая крыша. А потом, только ради тебя, сниму скальпы с парочки краснокожих или размозжу черепа десятку ковбоев, – рассмеялся Дан, которому пришлось по душе энергия и крепкое телосложение Нан – они выделяли ее среди других девушек.

– Спасибо. Обязательно приеду. Позволишь пощупать твое предплечье? Великолепные бицепсы! Вот, мальчики, смотрите, как должны выглядеть настоящие мускулы.

И Нан прочитала короткую лекцию, иллюстрируя ее положения жилистой рукой Дана. Том удалился в альков и глазел там на звезды, неистово взмахивая собственной правой рукой, как будто хотел свалить кого-то на землю.

– А Тома определим в могильщики; ему понравится хоронить пациентов, загубленных Нан. Он как раз напустил на себя подходящее для этого занятия угрюмое выражение. Не забудь про него, Дан, – сказал Тед, привлекая всеобщее внимание к страдальцу в дальнем углу.

Впрочем, дуться подолгу Том никогда не умел, и краткое затмение его разрешилось бодрим:

– А давайте внесем предложение, чтобы всех больных желтухой, корью и холерой из нашего городка отправляли в Дансвилль; Нан будет довольна, а в таком потоке иммигрантов и каторжников никто не заметит ее ошибок.

– Предлагаю основать новый город неподалеку от Джексонавиля или какого другого крупного города, чтобы обеспечить себе общество культурных людей. Там есть Платоновский клуб, его члены одержимы любовью к философии. Приезжих с Востока принимают очень тепло, а на такой благодатной почве новые предприятия всегда расцветают, – заметил мистер Марч, решив внести свою скромную лепту в разговор о будущем: он сидел среди старших и с удовольствием следил за оживленной беседой.

Мысль, что Дан станет изучать Платона, очень всех позабавила, однако улыбкой на нее отозвался один только безобразник Тед; Дан же поспешил изложить еще один план, который зародился в его непоседливом мозгу.

– Не знаю, выгорит ли у меня со скотоводством, но меня очень тянет к моим друзьям, индейцам из штата Монтана. Это мирное племя, и они отчаянно нуждаются в помощи: сотни умерли голодной смертью, потому что не могут за себя постоять. Сиу – племя боевое, в нем тридцать тысяч человек, поэтому правительство их боится и дает им все, что попросят. Чтоб им провалиться, этим чертям! – Дан осекся, когда нехорошее слово сорвалось с языка, потом сверкнул глазами и поспешно продолжил: – Так и есть, не собираюсь я просить прощения. Будь у меня хоть какие-то деньги, когда я у них оказался, я бы отдал этим бедолагам все до последнего цента – ведь их кругом обманули, они сидят и терпеливо ждут справедливости, после того как их согнали с их собственных земель туда, где не растет совсем ничего. При этом честные ходатаи многое могут изменить, вот мне и кажется, что я должен как-то им поспособствовать. Я немного выучил их язык, да и сами они мне очень нравятся. У меня теперь несколько тысяч долларов за душой, и я не уверен, что имею право потратить их на себя, осесть на одном месте и радоваться жизни. Верно?

Дан, раскрасневшийся, возбужденный силой собственных слов, посмотрел на своих друзей – образец целеустремленности и мужества; в этот момент все ощутили в сердцах трепет сочувствия, которое связывает людей узами жалости к несправедливо обиженным.

– Давай, конечно! – воскликнула миссис Джо, немедленно загоревшись его идеей; чужие беды интересовали ее куда больше, чем удача.

– Давай, конечно! – эхом откликнулся Тед, аплодируя, будто в театре. – И меня возьми с собой в помощь. Мне не терпится оказаться среди этих мужественных людей и стать следопытом.

– Расскажи подробнее, а мы рассудим, благоразумное ли это начинание, – произнес мистер Лори, тут же решив про себя, что заселит свои пока еще не приобретенные земли в прериях индейцами из Монтаны, а также увеличит размеры пожертвований обществам, которые отправляют миссионеров к этим обиженным людям.

Дан тут же пустился в рассказы о том, что видел среди индейцев дакота и других племен, населяющих северо-запад, – он повествовал об их бедах, терпении, отваге так, будто они были его братьями.

– Меня они называют Дан Грозовая Туча, потому что не видели винтовки лучше моей. Черный Ястреб был мне лучшим другом, какого только можно пожелать, несколько раз спасал мне жизнь и научил меня всему, что может мне пригодиться, если я туда вернусь. У них сейчас времена тяжелые, а я хотел бы вернуть им свои долги.

Все дружно навестили уши, Дансвилль начал утрачивать очарование. Потом осмотрительный мистер Баэр заметил, что один честный ходатай вряд ли сможет многое изменить, и при всем благородстве его устремлений целесообразнее будет тщательно все осмыслить, заручиться поддержкой влиятельных людей из соответствующих кругов, а прежде чем принимать окончательное решение, взглянуть на эти самые земли.

– Я так и сделаю. Смотаюсь в Канзас, посмотрю, какие там перспективы. Я познакомился во Фриско⁴⁴ с одним парнем, который там бывал, – он хорошо отзывался о тех краях. Все дело в том, что разных дел так много, что я даже не знаю, с чего начать, иногда даже думаю, что лучше не было бы у меня никаких денег, – ответил Дан, озадаченно нахмурившись: так всегда поступают добросердечные люди, стремящиеся внести свою лепту в копилку хороших дел.

– Деньги я оставляю у себя, пока ты не примешь окончательного решения. Ты у нас такой бесребреник, что подаришь их первому же встречному попрошайке. Отдам их в рост на то время, пока ты разбираешься, что и как, а тебе верну, когда придет время их вкладывать, согласен? – спросил мистер Лори, умудренный опытом собственной экстравагантной юности.

– Благодарствуйте, сэр, я с большим облегчением с ними расстанусь. Придержите их, пока я не попрошу, а если на этот раз со мной что случится, оставьте себе и помогите еще какому бродяжке, как когда-то помогли мне. Таково мое завещание, будьте ему свидетелями. Мне сильно полегчало.

Дан передал мистеру Лори кушак, в котором хранил свое невеликое достояние, и тут же расправил плечи, как будто с них свалился тяжкий груз.

Никто и представить себе не мог, сколько всего произойдет, прежде чем Дан заберет обратно свои деньги, и насколько близко этот поступок окажется к его последнему волеизъявлению; мистер Лори как раз объяснял, как он собирается вложить эти деньги, когда жизнерадостный голос запел:

Лицом наша Пегги бела, как снег,
Тяните, братцы, канаты!
Она не ворчит, если выпьет Джек,
Тяните, братцы, канаты!
Ушел он в море, в дальний поход,
А дома верная Пегги ждет,
Тяните, братцы, канаты!

Именно в таком духе Эмиль всегда возвещал о своем появлении и через миг поспешно вошел вместе с Натом – тот весь день давал в городе уроки. Приятно было видеть, как просиял Нат, когда старый приятель едва не оторвал ему руку в крепком пожатии, еще приятнее – сознавать, что Дан с благодарностью помнит все, чем обязан Нату, и, в своем грубоватом духе, пытается этот долг вернуть; а приятнее всего – слушать, как два путешественника обмениваются впечатлениями и плетут пряжу рассказней, дабы поразить сухопутных крыс и домоседов.

После этого прибавления молодежи сделалось тесно в четырех стенах, в итоге представители младшего поколения перекочевали на веранду и расселись на ступенях, точно стайка ночных птах. Мистер Марч с профессором переместились в кабинет, Мег и Эми отправились готовить легкий десерт – кекс и фрукты, а миссис Джо с мистером Лори сели у высокого окна, вслушиваясь в болтовню, долетавшую снизу.

– Вот они, лучшие из наших воспитанников! – произнесла она, указывая на группу внизу. – Другие мертвы или рассеялись по свету, а эти семеро мальчиков и четверо девочек –

⁴⁴ *Фриско* – сокращенное название города Сан-Франциско в Калифорнии; теперь это центр цивилизации, а в те времена он был столицей золотых приисков Дикого Запада и центром вольной жизни.

предмет моей особой гордости и утешения. Если включить сюда Элис Хит, получится дюжина, и у меня забот полон рот – я должна руководить этими юными жизнями, вкладывая в это все свои силы и способности.

– Если вспомнить, какие они все разные и каково происхождение некоторых из них – а ничто не оказывает такого влияния, как семья, – мне представляется, что у тебя есть все основания собой гордиться, – сдержанно ответил мистер Лори, задержав взгляд на единственной светлой головке среди черных и каштановых, ибо молодая луна проливала один и тот же свет на всех.

– За девочек я не переживаю; ими руководит Мег, а она настолько мудра, терпелива и ласкова, что у них наверняка все будет хорошо; что до мальчиков, бремя забот делается тяжелее с каждым годом, и с каждым их приездом я ощущаю, что они все больше от меня отдаляются, – вздохнула миссис Джо. – Они скоро совсем вырастут, и удерживать их я смогу лишь на единственной тоненькой ниточке, да и та может лопнуть в любой момент, как это произошло с Джеком и Недом. Долли и Джордж до сих пор любят сюда наведываться, и им я могу сказать свое слово; что до миляги Франца, он слишком глубоко порядочен, чтобы забыть свою родню. А вот за этих троих, которые того и гляди по новой отправятся в большой мир, я все-таки очень волнуюсь. Надеюсь, что доброе сердце не позволит Эмилю сбиться с пути, и

Сидит на бушприте милок-херувим
И Джека хранит от напастей.

Нату впервые предстоит вылететь из гнезда, и он слаб, несмотря на все твое укрепляющее влияние; что до Дана, его так и не удалось укротить. Боюсь, и не удастся, если жизнь не преподаст ему суровый урок.

– Он – славный малый, Джо, и я отчасти жалею, что он решил податься в земледельцы. Немного глянца – и он мог бы стать настоящим джентльменом, кто ведает, каких высот он достиг бы, оставшись здесь, с нами, – отвечал мистер Лори, облачиваясь на стул миссис Баэр, как в добрые стародавние времена, когда им нужно было обсудить очередную тайную проказу.

– Это было бы небезопасно, Тедди. Работа и вольная жизнь, которую он так любит, превратят его в хорошего человека, а это куда важнее, чем даже самый яркий глянец: легкая городская жизнь таит для него слишком много опасностей. Природу его не переделаешь – можно лишь посодействовать тому, чтобы она развивалась правильно. Все прежние позывы все еще при нем, их необходимо сдерживать – или он погубит себя. Я это вижу отчетливо, при этом любовь к нам – его хранительный оберег, и мы должны сберечь эту связь до тех пор, пока он не возмужает или не обзаведется связью более прочной.

Миссис Джо говорила с большим жаром: Дана она знала лучше, чем кто бы то ни было, и прекрасно понимала, что ее жеребчик пока объезжен не до конца, связанные с ним надежды смешивались со страхами – она понимала, что такой человек никогда не сможет жить легкой жизнью. А еще у нее не было сомнений в том, что прежде, чем снова покинуть ее дом, он улучит тихую минутку и раскроет перед ней свою душу – и тогда она сможет должным образом предостеречь его или ободрить. Поэтому она выжидала, наблюдая за ним исподтишка, радуясь тому, как развились его задатки, мгновенно распознавая, какой именно ущерб нанесло ему человеческое общество. Ей очень хотелось, чтобы ее «подстрекатель» преуспел в жизни – ведь многие другие раньше предрекали ему нравственную погибель; она же давно усвоила, что люди – не глина, чтобы формовать их по собственному разумению, а потому довольствовалась надеждой на то, что из этого брошенного ребенка вырастет порядочный человек; на большее она не замахивалась. Да и эта надежда казалась призрачной – слишком много в нем было буйных замашек, неукротимых страстей и природного своеволия. Ничто не в состоянии было его сдержать, кроме единственной привязанности в его жизни: памяти о Пламфилде, страха огор-

чить верных друзей, гордости, более сильной, чем принципы, – эта гордость удерживала его от поступков, которые уронили бы его в глазах товарищей, испытывавших к нему любовь и восхищение, вне зависимости от всех его недостатков.

– Не терзай себя, старушка; Эмиль – человек веселый и беззаботный, из тех, кто всегда выходит сухим из воды. За Натом я прослежу, а Дан встал на правильный путь. Пусть осмотрится в Канзасе и, если идея стать скотоводом утратит свое очарование, пусть возвращается к своим индейцам и творит там добро. Он как нельзя лучше подходит для этой необычной задачи – лично я надеюсь, что именно этим он и займется. Сражаться с угнетателями и дружить с угнетенными – это как раз то, что нужно его энергичной натуре, тем более что он лучше приспособлен к такой жизни, чем к разведению овец и выращиванию пшеницы.

– Очень на это надеюсь. Что там такое? – Миссис Джо подалась вперед, вслушиваясь: ее привлекло восклицание, вырвавшееся у Теда и Джози.

– Мустанг! Настоящий, живой – мы сможем на нем ездить! Дан, ты просто молодчина! – воскликнул молодой человек.

– А у меня – полный костюм индианки! Теперь я могу сыграть Намиоку, если мальчики решат ставить «Метамору»⁴⁵, – добавила Джози, захлопав в ладоши.

– А для Бесс – голова буйвола! Господи помилуй, Дан, зачем ты ей такие страсти притащил? – спросила Нан.

– Решил, что ей полезно будет порисовать такую мощную, натуральную вещь. Ничего из нее не получится, если она так и будет возиться с разными расфуфыренными божками и лапочками-котятками, – заявил непочтительный Дан, который припомнил, что в последний его визит Бесс рассеянно перемещалась между двумя моделями: головой Аполлона и своим персидским котом.

– Спасибо. Я обязательно попробую, а если не справлюсь, мы повесим эту голову в прихожей, чтобы она напоминала нам о тебе, – сказала Бесс, возмущенная оскорблением, которое нанесли ее личным богам, но слишком воспитанная, чтобы выказать это чем-то, кроме тона голоса, сладкого и холодного, точно мороженое.

– Ты, полагаю, не захочешь приехать посмотреть на наш новый поселок вместе с остальными? Зачем тебе такая глушь? – спросил Дан, пытаясь вернуться к почтительному тону, которым мальчики когда-то обращались к своей принцессе.

– Я надолго уезжаю учиться в Рим. Там сосредоточены вся красота и все искусство мира; чтобы ими насладиться, может не хватить целой жизни, – отвечала Бесс.

– Рим – дряхлая пропыленная гробница в сравнении с «Садом богов»⁴⁶ и моими величественными Скалистыми горами. Нет у меня интереса к искусству, а природа мне никогда не надоедает, и я мог бы показать тебе такие вещи, от которых твои старые мастера подскочили бы выше верхушек сосен. Приезжай и, пока Джози скачет верхом, будешь рисовать лошадок. Если ты не увидишь никакой красоты в диком табуне голов из ста, я уж ничем не смогу тебе помочь! – воскликнул Дан в безуспешной попытке описать мощь и грацию дикой природы – дарования ему явно не хватало.

– Я когда-нибудь приеду к тебе с папой, посмотреть, чем они лучше лошадей из собора Святого Марка или с Капитолийского холма⁴⁷. Не оскорбляй моих богов, тогда я попытаюсь полюбить твоих, – сказала Бесс, у которой зародилась мысль, что, возможно, на Западе есть на что посмотреть, пусть даже он пока не подарил миру ни Рафаэля, ни Микеланджело.

⁴⁵ «Метамора, или Последний из вампаноагов» – пьеса американского актера Джона Огастеса Стоуна (1801–1834), рассказывающая о конфликте между переселенцами-англичанами и местными индейцами; Метамора и его жена Намиока – главные индейские персонажи пьесы.

⁴⁶ «Сад богов» – название живописного участка местности рядом с городом Колорадо-Сити; теперь там национальный парк.

⁴⁷ Собор Святого Марка – главный собор Рима; Капитолийский холм – один из семи холмов Рима, на нем, в частности, находится знаменитая конная статуя императора Марка Аврелия, изваянная Микеланджело.

– Договорились! Я лично считаю, что, прежде чем отправляться в заморские края, нужно изучить свою собственную страну – Новый Свет тоже достоин открытия, – начал Дан в попытке заронить в душу Бесс дорогую ему мысль.

– У него есть свои достоинства, но не слишком многочисленные. В Англии женщины имеют право голоса, а мы – нет. Мне стыдно, что во многих благородных начинаниях Америка далеко не первая! – воскликнула Нан, придерживавшаяся самых передовых взглядов по поводу всевозможных реформ и крайне трепетно относившаяся к собственным правам – ведь за многие из них ей пришлось сражаться.

– Ох, даже не начинай. Все вечно бранятся по этому поводу, обзываются и никак не могут договориться. Пусть сегодняшний вечер пройдет тихо и мирно! – взмолилась Дейзи, которая ненавидела разногласия так же сильно, как Нан их любила.

– В новом городе, Нан, будешь голосовать, сколько тебе заблагорассудится; становись хоть мэром, хоть мировым судьей – бери на себя все заботы. Там всем будет полная воля – в противном случае я не смогу в нем жить, – сказал Дан, а потом добавил со смехом: – Смотрю, миссис Проказница и миссис Шекспир Смит так же расходятся во мнениях, как и в прежние времена.

– Не будь разных мнений, мир никуда бы не продвинулся. Дейзи – милочка, но по натуре – старая клуша; приходится толкать ее в бок, так что следующей осенью она пойдет за меня голосовать. Деми нас сопровождает, чтобы мы осуществили то единственное, что нам пока доступно.

– Сопроводишь их, Дьякон? – осведомился Дан, прибегнув к старому прозвищу, как будто оно ему нравилось. – В Вайоминге это отлично работает.

– С превеликой радостью. Мама с тетушками проделывают это каждый год, а Дейзи поедет со мной. Она так и осталась моей лучшей половиной, куда я – туда и она, – заявил Деми, приобняв сестренку, которую обожал даже сильнее прежнего.

Дан бросил на него завистливый взгляд, подумав, какое это счастье – такая привязанность; в этот момент его одинокая юность представилась ему особенно грустной – он припомнил все свои борения. Шумный вздох, который испустил Том, погасил всю сентиментальность; тот задумчиво произнес:

– Я всегда хотел быть одним из близнецов. Приятно и уютно, когда кто-то всегда готов с радостью опереться на тебя и утешить, если другие девушки к тебе жестоки.

Поскольку безответная страсть Тома была в семье предметом постоянного подшучивания, в ответ на эти слова зазвучал хохот – он стал только громче, когда Нан выхватила пузырек рвотного снадобья и с профессиональной серьезностью произнесла:

– Понятно: ты за чаем объелся омарами. Четыре пилюли – и несварение как рукой снимет. Том вечно вздыхает и говорит вздор, когда съест лишнего.

– Давай. Хоть что-то сладкое из твоих рук. – И Том мрачно захрустел пилюлями.

– «Кто может исцелить болящий разум, из памяти с корнями вырвать скорбь»⁴⁸, – трагическим тоном процитировала Джози со своей жердочки на перилах.

– Поехали со мной, Томми, я сделаю из тебя настоящего мужчину. Бросай свои пилюли и порошки, посмотри на мир – и ты скоро напрочь забудешь, что у тебя есть сердце, да и желудок тоже, – предложил Дан, у которого имелась одна панацея от всех мыслимых бед.

– Пошли со мной в рейс, Том. Хороший приступ морской болезни тебя закалит, а крепкий северо-восточный ветер унесет все горести. Можешь пойти корабельным врачом – обязанности плевые, а удовольствий хоть отбавляй.

А если неласкова Нэнси с тобой,
Не к сердцу ей форма морская,

⁴⁸ У. Шекспир. Макбет. Перевод М. Лозинского.

Снимайся с якоря – в новом порту
Тебя приголубит другая, –

добавил Эмиль: на всякую горесть и невзгоду у него имелся подходящий куплет, и он щедро делился ими с друзьями.

– Я об этом подумаю, когда получу диплом. А потратить впустую три года единственной жизни – это не по мне. До тех пор...

– Я никогда не покину миссис Микобер⁴⁹, – прервал его Тедди, шумно всхлипнув.

Том немедленно сбросил его со ступенек в мокрую траву, а когда они закончили угощать друг друга тумачами, звон чайных ложек возвестил, что подано куда более приятное угощение. В былые времена девочки обслуживали за столом мальчиков, чтобы те ничего не перепутали; теперь же молодые люди спешили обслужить дам, и молодых, и старых; этот незамысловатый факт отчетливо показывал, как время изменило все расклады. Как же все это было замечательно! Даже Джози сидела спокойно, дожидаясь, пока Эмиль принесет ей ягод, и наслаждалась собственной благовоспитанностью, но тут Тед стащил кекс у нее с тарелки, она немедленно позабыла про хорошие манеры и наградила его шлепком по костяшкам пальцев. Дану, как почетному гостю, единственному было позволено ухаживать за Бесс – она по-прежнему занимала в этом маленьком мирке самое почетное место. Том старательно выбирал для Нан самые лакомые кусочки, но его надежды сокрушила отрывистая фраза:

– Я в такое время ничего не ем и тебе не советую: потом будут кошмары сниться.

Послушно смиряя голодные спазмы, Том отдал тарелку Дейзи, а вместо ужина удовольствовался лепестками роз.

После того как было уничтожено умопомрачительное количество полезной пищи, кто-то предложил:

– Давайте споем!

И зазвучала музыка. Нат играл на скрипке, Деми дудел в рожок, Дан брэнчал на стареньком банджо, а Эмиль завел душещипательную балладу о крушении «Бесшабашной Бетси»; после этого все дружно запели старые песни, пока воздух воистину не «наполнился звуками музыки». Прохожие вслушивались, улыбались и заключали:

– Весело сегодня в старом добром Пламе!

Когда все разошлись, Дан остался на веранде, наслаждаясь теплым ветерком, долетавшим со скошенных лугов, – он же приносил с Парнаса цветочные запахи; Дан застыл в романтическом свете луны, и тут пришла, чтобы запереть двери, миссис Джо.

– Смотришь сны наяву, Дан? – спросила она, думая про себя, что заветный миг, похоже, настал.

Вообразите себе, как она была обескуражена, когда вместо интересного признания или нежного слова Дан повернулся к ней и в лоб объявил:

– Очень покурить хочется.

Миссис Джо посмеялась над своими сокрушенными надеждами и добродушно ответила:

– Кури у себя в комнате. Главное – не подожги дом.

Возможно, Дан заметил у нее на лице легкое разочарование, а может, память о том, что обычно следовало за такими мальчишескими выходками, тронула ему душу; он наклонился, поцеловал ее и шепотом проговорил:

– Спокойной ночи, маменька.

У миссис Джо немного отлегло от сердца.

⁴⁹ Искраженная цитата из романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд». Его героиня Эмма Микобер несколько раз повторяет, имея в виду своего мужа: «Я никогда не покину мистера Микобера».

Глава пятая. Каникулы

Все радовались тому, что следующий день был выходной, и долго просидели за завтраком, пока миссис Джо вдруг не воскликнула:

– Глядите-ка, собака!

На пороге появилась крупная борзая – пес стоял неподвижно, не сводя глаз с Дана.

– Привет, дружище! Не мог подождать, когда я за тобой приду? Сам отвязался потихоньку? Ну, теперь крепись и сноси порку, как положено мужчине! – обратился к нему Дан, поднимаясь навстречу; пес встал на задние лапы, чтобы заглянуть хозяину в лицо, и гавкнул, будто бы решительно отрицая, что повинен в непослушании.

– Ну ладно. Дон всегда говорит правду. – Дан обнял здорового пса, а потом добавил, глянув в окно, – вдалеке появились две фигуры, конская и человеческая: – Я свои пожитки на ночь оставил в гостинице – не знал ведь, что тут у вас и как. Пойдемте, познакомлю вас с Окту, моей кобылой-мустангом. Писаная красавица.

Дан выскочил из комнаты, остальные поспешили за ним, чтобы поприветствовать новых гостей.

Оказалось, что лошадь пытается подняться по ступеням, настолько ей не терпелось воссоединиться с хозяином; ее несчастный вожатый с трудом ее сдерживал.

– Пусти ее, – распорядился Дан. – Она лазает, как кошка, и прыгает, как олениха. Ну, девочка, хочешь в галоп? – спросил он, когда его красавица забралась на ступени и радостно заржала – он погладил ее по хвосту и хлопнул по блестящему боку.

– Да, от такой лошади и я бы не отказался, – заметил Тед, преисполненный восторга и восхищения; именно ему предстояло заботиться об Окту на время отсутствия Дана.

– А какие глаза умные! Кажется, сейчас заговорит, – добавила миссис Джо.

– Она, в принципе, умеет говорить на человеческом языке. И почти все понимает. Верно, старушка? – И Дан прижался щекой к ее щеке – было видно, что вороная кобылка ему очень дорога.

– А что значит «Окту»? – поинтересовался Роб.

– Молния. Очень подходящая кличка, скоро сам увидишь. Черный Ястреб отдал мне ее в обмен на мою винтовку, и чего только мы вдвоем с тех пор не навиделись. Она не раз спасала мне жизнь. Видите этот шрам?

Дан указал на небольшой шрам, полускрытый под длинной гривой; обняв Окту рукой за холку, он поведал его историю:

– Мы с Черным Ястребом как-то охотились на буйвола, но отыскивали его далеко не сразу; припасы у нас закончились, а до Красной Оленьей реки, где находилось наше стойбище, была добрая сотня миль. Я уж решил, что нам конец, но мой храбрый приятель заявил: «Сейчас покажу, как мы протянем до тех пор, когда отыщем стадо». Мы как раз расседлали коней на ночь у небольшого пруда, рядом не было ни одной живой души, даже ни птички, вид на прерию открывался на много миль. И что, как вы думаете, мы сделали? – Дан взглянул на лица своих слушателей.

– Накопали червей, как это делают австралийцы, – предположил Роб.

– Наварили травы или листьев, – высказалась миссис Джо.

– Может, набили желудки глиной – мы читали, что дикари иногда так поступают, – вставил мистер Баэр.

– Убили одну лошадь! – воскликнул Тед, которому очень хотелось хоть небольшого кровопролития.

– Нет, но взяли у одной немного крови. Вот здесь, глядите. Наполнили жестяную кружку, положили туда листья полыни, добавили воды, развели костерок и подогрели. Вкусно получилось, и мы крепко уснули.

– Вряд ли Окту это понравилось. – Джози погладила лошадку, глядя на нее с искренним сочувствием.

– Да она и ухом не повела. Черный Ястреб сказал, что мы так продержимся несколько дней и даже сможем двигаться при этом вперед – лошадям ничего не будет. Но на следующее утро мы все же отыскиали буйволов, и я застрелил того самого, чью голову вам привез, – можно повесить ее на стену и распугать всех крыс. Свирепая морда, сами увидите.

– А зачем этот ремень? – поинтересовался Тед, внимательно исследовавший индейское седло: один повод с трензелем, тут же лассо; вокруг шеи шла кожаная петля, о которой он и спросил.

– Мы за него держимся, когда приходится лежать у лошади на боку, противоположном от врага, и стрелять из-под шеи на круговом галопе. Я тебе покажу.

Дан вскочил в седло, спустился с лестницы и погнал лошадь по лужайке: он то сидел у Окту на спине, то скрывался до половины, повиснув на поводке и стремях, то соскакивал и бежал рядом – она явно наслаждалась этим спектаклем; Дан мчался следом в несказанном собачьем восторге: он вновь был на свободе и рядом с друзьями.

Зрелище было великолепное: три диких создания наслаждались скачкой, и столько было в них энергии, грации и свободы, что ухоженная лужайка на миг предстала прерией, а зрители почувствовали, что после этого соприкосновения с другой жизнью собственная кажется им очень тихой и бесцветной.

– Это лучше всякого цирка! – воскликнула миссис Джо, которой очень захотелось стать девочкой и промчаться галопом на этом скакуне – пойманной молнии. – Предчувствую, что работы у Нан будет хоть отбавляй – только успевай чинить кости, потому что Тед переломает их себе все до последней, пытаюсь сравняться с Даном.

– Несколько падений не повредит, а новое удовольствие и новая ответственность, безусловно, пойдут ему на пользу. С другой стороны, боюсь, Дан не сможет ходить за плугом, привыкнув к такому Пегасу, – откликнулся мистер Баэр, а ворона кобылка тем временем перескочила через калитку, промчалась по дорожке, остановилась по первому же слову и стояла, вздрагивая от возбуждения; Дан же спрыгнул на землю и дожидался аплодисментов.

Зрители на них не поскупились, причем его любимице явно досталось больше, чем ему самому. Тед потребовал, чтобы урок езды ему дали немедленно, и очень быстро освоился в непривычном седле. Окту оказалась послушной, как ягненок, поэтому он поехал рысью в сторону колледжа – хвастаться. С холма торопливо спустилась Бесс – она видела скачку издалека; все собрались на веранде, Дан же сдернул покрывало с большого ящика, который срочная почта «скинула» перед дверью – выражаясь его собственными словами.

Дан обычно путешествовал налегке, по-походному, и терпеть не мог, чтобы багаж превосходил объемы его выдавшего виды саквояжа. Но раз уж теперь у него завелись кое-какие деньги, он решил обременить себя небольшой коллекцией трофеев, которые добыл луком и копьем, и привезти их домой, в дар друзьям.

«Нас тут мошь загрызет», – подумала миссис Джо, когда из ящика появилась лохматая голова, за ней – коврик из волчьей шкуры, чтобы ставить на него ноги, медвежья шкура – для того же употребления в кабинете у профессора – и индейские наряды, разукрашенные лисьими хвостами, для мальчиков.

Отличные вещи, не очень подходящие для теплого июльского дня, но приняты они были с восторгом. Тед с Джози немедленно «нарядились», разучили боевую пляску и принялись изумлять своих друзей дикими скачками по дому и саду, с томагавками, луками и стрелами в руках – успокоились они, только когда устали.

Красочные птичьи крылья, пышная трава из пампасов, ожерелья из раковин и прекрасные изделия из бисера, коры и перьев очень порадовали девочек. Минералы, наконечники стрел и неумелые зарисовки заинтересовали профессора, а когда ящик опустел, Дан презентовал мистеру Лори отдельный подарок – несколько индейских песен-плачей, записанных на бересте.

– Для полноты картины нам теперь не хватает только вигвама. Меня так и подмывает накормить вас за ужином кукурузными лепешками и сушеным мясом, храбрые мои воины. После такого зрелища никто не станет есть баранину с горошком, – заметила миссис Джо, обозревая живописный беспорядок в длинной прихожей, где на цветастых коврах тут и там возлежали фигуры, украшенные перьями, мокасины и бисером.

– Лосиные носы, языки буйволов, бифштексы из медвежатины и жареный костный мозг мне больше по вкусу, но я не против смены меню; так что несите сюда барашка и это ваше зеленое мясо, – ответил Дан изнутри ящика, где он величественно расселся, будто вождь в окружении своего племени, а у ног его вытянулся могучий пес.

Девочки принялись разбирать его вещи, однако далеко не продвинулись; до какого бы предмета они ни дотрагивались, оказывалось, что у него есть собственная история – захватывающая, смешная или невероятная; в общем, они так толком ничего и не сделали, пока мистер Лори не увел Дана.

Как раз начались летние каникулы, и как любопытно было смотреть на замечательные перемены, которые приезд Дана и Эмиля привнес в тихую жизнь кружка ученых людей; с ними будто налетел живительный порыв свежего ветра. Многие студенты оставались на время каникул в колледже, а в Пламфилде и на Парнасе старались, как могли, скрасить их жизнь удовольствиями – ведь большинство были родом из дальних штатов, из бедных семей, возможностей развлекаться и приобщаться к культуре у них было мало. Эмиль, благодаря своему обаянию, пользовался колоссальной популярностью и среди юношей, и среди девушек и постоянно вращался в обществе, как это принято у моряков; Дан же явно робел при виде «преlestных ученых барышень», отмалчивался, оказавшись в их кругу, и смотрел на них, точно орел на стайку голубок. Сойтись со студентами ему оказалось проще, и он сразу же превратился в их героя. Дану пошло на пользу их искреннее восхищение его по-настоящему мужскими достижениями, ибо он очень остро ощущал пробелы в собственном образовании и часто гадал, не найдется ли в книгах уроков не менее ценных, чем те, которые он черпал из богато проиллюстрированного тома Природы. Несмотря на его молчаливость, девушки открыли для себя его многочисленные достоинства и взирали на Испанца (такое ему дали прозвище) с явственной благосклонностью; дело в том, что его черные глаза оказались куда красноречивее языка, так что добросердечные создания самыми разными прелестными способами выказывали ему свою дружескую заинтересованность.

Дан это видел и старался соответствовать – не давая воли языку, окорачивая себя в грубоватости и вообще следя за тем, какое впечатление производят его слова и поступки, – ему очень хотелось прослыть воспитанным человеком. Дружеское общение согрело его одинокое сердце, просвещенное окружение подвигало проявлять лучшие стороны характера, а перемены, которые произошли за время его отсутствия и в других, и в нем самом, сделали родной дом едва ли не новым миром. После жизни в Калифорнии в нем казалось покойно и уютно – вокруг знакомые лица, помогающие забыть многое из того, о чем сам он сожалел, и поддерживающие в нем решимость окончательно завоевать доверие этих славных юношей и уважение этих невинных дев.

Итак, днем были конные прогулки, гребля и пикники, по вечерам – музыка, танцы и театральные представления; все сходились на том, что таких веселых каникул не случалось уже много лет. Бесс сдержала слово: ее любимая глина покрывалась пылью, она же развлекалась с друзьями или занималась музыкой под руководством отца, который радовался свежим розам,

расцветавшим на ее щеках, и смеху, который разогнал былую ее мечтательную задумчивость. Джози меньше ругалась с Тедом, поскольку Дан умел так на нее посмотреть, что она сразу же затихала, – и почти столь же благотворное действие он оказывал и на ее буйного кузена. Что касается этого непоседливого юноши, ему больше других помогла Оку: ее чары полностью затмили очарование велосипеда, который до того был главной отрадой его сердца. Он с утра до ночи скакал на неутомимой лошадке и стал заметно крепчать – к великой радости матери, которая опасалась, что ее бобовый стебелек растет слишком стремительно в ущерб здоровью.

Деми, у которого деловая жизнь вызывала скуку, в свободное время утешался тем, что фотографировал всех, кого ему удавалось уговорить посидеть или постоять смирно, – неудач было множество, но выходили и совершенно замечательные снимки, ибо ему случалось очень выигрышно сгруппировать позировавших, а еще он обладал недюжинным терпением. Он, можно сказать, смотрел на мир через объектив своего фотоаппарата, и ему, похоже, страшно нравилось разглядывать своих ближних прищуренным взглядом из-под черного чехла. Дан был его отрадой – он получался замечательно и охотно позировал в мексиканском костюме, с лошадьё и псом – всем хотелось получить отпечатки этих прекрасных снимков. Другой любимой натурщицей Деми была Бесс; в итоге он получил приз Выставки любительской фотографии за портрет кузины, на котором ее лицо, частично скрытое волосами, выступало из облака белого кружева, наброшенного на плечи. Гордый художник раздаривал отпечатки направо и налево; мы впоследствии расскажем трогательную историю одного из них.

Перед долгой разлукой Нат старался проводить каждую свободную минутку рядом с Дейзи; миссис Мег слегка смягчилась, ибо ей представлялось, что расставание полностью излечит его от этой неуместной привязанности. Дейзи редко высказывалась на эту тему, но, когда оставалась одна, на ее нежное личико набегала грусть, а на платочек, на котором она с отменной аккуратностью вышила метку собственными волосами, скатывались несколько тихих слезинок. Она была уверена в том, что Нат ее не забудет, а вот собственная жизнь представлялась ей очень тоскливой без славного парнишки, с которым она дружила еще со времен игрушечной кухоньки и детских признаний на старой иве. Она была старомодной дочерью, покорной и ответственной, а к матери относилась с такой почтительностью, что всякое слово той становилось законом; ну а раз любовь под запретом, должно хватить и дружбы. Вот она и держала свои мелкие горести в себе, жизнерадостно улыбалась Нату и старалась украсить последние дни его пребывания в родном доме всевозможными удобствами и удовольствиями – от разумных советов и ласковых слов до полностью укомплектованного швейного набора на его будущее холостяцкое существование и коробочки лакомств для путешествия.

Все время, свободное от учебы, Том и Нан проводили в Пламфилде, деля со старыми друзьями летние удовольствия; следующий рейс Эмиля обещал быть долгим, срок отсутствия Ната – неопределенным, а что касается Дана, никто и вовсе не знал, когда он теперь появится. Молодые люди чувствовали, что вступают в серьезную пору жизни, и, наслаждаясь старой компанией в погожие летние деньки, осознавали, что уже не дети, а потому, в перерывах между весельем, заводили рассудительные беседы о своих планах и надеждах – им важно было поделиться ими и помочь друг другу, прежде чем жизнь разведет их в стороны, каждого по своей стезе.

В запасе у них оставалось всего несколько недель; и вот «Бренда» была готова к отплытию, Нату предстояло пуститься в путь из Нью-Йорка, Дан решил съездить его проводить; собственные планы успели оформиться у него в голове, и ему не терпелось приступить к их осуществлению. На Парнасе устроили в честь отбывающих прощальные танцы – все явились в лучших своих одеждах и в прекрасном настроении. Приехали Джордж и Долли, привезя с собой дух и утонченность Гарварда; приятно было смотреть на их сшитые по мерке костюмы и «мятые шляпы» – так Джози поименовала особую гордость и отраду их мальчишеских душ. Джек с Недом прислали наилучшие пожелания и искренние сожаления – но никто не скорбел

из-за их отсутствия, ибо они принадлежали к тем, кого миссис Джо именovala своими «неудачами». Бедняга Том, как всегда, попал в переделку, облив голову какой-то чрезвычайно вонючей жидкостью в тщетной надежде заставить свои кудряшки распрямиться, как оно тогда было модно. Увы, непокорные лохмы лишь встали дыбом, а запах, как от нескольких парикмахерских, прилип к нему накрепко, несмотря на отчаянные попытки его истребить. Нан его к себе не подпускала и отмахивалась веером, едва его заметив; это была рана в самое сердце, и Том ощущал себя пери, изгнанной из рая⁵⁰. Разумеется, друзья нещадно над ним потешались, и одна лишь неистребимая природная жизнерадостность удержала его от отчаяния.

Эмиль щеголял в новенькой форме и танцевал с самозабвением, вéдомым лишь морякам. Он так и летал по залу, и партнерши быстро выдыхались, пытаясь за ним успеть; тем не менее все девушки объявляли, что ведет он – будто ангел: действительно, несмотря на стремительность, он никогда ни с кем не сталкивался; словом, Эмиль был счастлив и не испытывал недостатка в барышнях, желавших сделать его своим лоцманом.

Поскольку официального костюма у Дана не было, его уговорили одеться в мексиканский наряд – он чувствовал себя вполне вольготно в штанах с многочисленными пуговицами и просторной куртке с цветастым кушаком, щеголевато закидывал яркий плед на плечо и производил неизгладимое впечатление, когда, звеня длинными шпорами, учил Джози новым для нее танцам или восхищенно закатывал глаза, глядя вслед некоторым юным блондинкам, заговорить с которыми он не решался.

Мамочки восседали в алькове, оделяя молодежь булавками, улыбками и добрым словом – всех, особенно неуклюжих юнцов, которым подобные мероприятия были в новинку, и робких барышень, стеснявшихся своих вылинявших муслиновых платьев и стиранных-перестиранных перчаток. Приятно было видеть статную миссис Эми, которая шествовала под руку с рослым сельским юношей, выделявшимся грубыми сапогами и высоким лбом, или миссис Джо, плясавшую, как девчонка, с застенчивым пареньком, руки которого ходили вверх-вниз, точно ручки насоса, а лицо алело от смущения и гордости – ведь ему выпала честь наступать на ноги жене президента колледжа. На софе рядом с миссис Мег всегда находилось место для двух-трех девушек, а мистер Лори обихаживал этих простецких, бедно одетых барышень с такой сердечной галантностью, что сердца их таяли, а дух воспарял. Добрый профессор оделял всех такими же лакомствами, с лица его не сходила добродушная улыбка, а мистер Марч в кабинете вел беседы о греческой комедии с самыми серьезными джентльменами – из тех, чей могучий ум никогда не разменивается на флигельные радости.

⁵⁰ *Пери* – в иранской мифологии – ангельские существа в облике прекрасных женщин; образ этот часто встречается и в европейской литературе. Здесь явная отсылка к роману писателя Томаса Мура (1779–1852) «Лалла-Рук», в который входит поэма «Рай и пери».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.